

РУССКАЯ
ВОЕННАЯ
СИЛА

КОМУ ВЪВЕДО
ГРУП. ОФИЦЕРОВ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ШТАБЪ
ВЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ
ВЫДАЮЩИХСЯ ВОЕННЫХЪ
СОБЫТІЙ ОТЪ НАЧАЛА
РУСИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ
ИЗДАНИЕ
И. И. КУШНЕРЕВА.

ВЪПУСКЪ 1

С. С. ОНТИНСКИЙ ПЕРИОД.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СИЛА

Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ
начала Руси до нашихъ дней.

Составлено обществомъ офицеровъ Генеральнаго
Штаба въ Москвѣ.

ИЗДАНИЕ

И. Н. Кушнерева.

ВЫПУСКЪ I.

ДО-МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОДЪ.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Н. Кушнерева и К^о. Пименовская улица, домъ Кушнеревой.

1888.

~~~~~  
Дозволено цензурою. Москва, 11 февраля 1888 г.  
~~~~~

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книжка есть первый выпускъ труда, предпринятаго группою офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ, съ цѣлью въ сжатомъ и возможно рельефномъ обзорѣ дать русскому читателю вполне обще-доступную картину развитія военной силы нашего отечества отъ его начала до настоящихъ дней.

Такого рода трудъ именно теперь, казалось бы, долженъ представлять всеобщій интересъ въ виду того, что современная военная сила всякаго государства выражается не въ обособленной арміи, а въ цѣломъ вооруженномъ народѣ, такимъ образомъ въ наше время всякій Русскій долженъ считать себя частицей военной силы Россіи и неизбѣжно интересоваться какъ самимъ военнымъ дѣломъ, такъ и его исторіею.

Начиная съ первыхъ годовъ историческаго существованія Русскаго государства, его военная сила сливается съ народными судьбами, растетъ вмѣстѣ съ ростомъ его, мѣняя при этомъ свои

II.

выпущенія формы соответственно переживаемому времени.

А потому и настоящей трудъ имѣетъ цѣлью познакомиться съ тѣми формами, въ которыя выливалась русская военная сила въ разные эпохи или періоды: 1) княжескій — домонгольскій; 2) монгольскаго ига и начала Московскаго государства; 3) царскій періодъ; 4) регулярная армія при Императорахъ и 5.) новѣйшее время — всеобщая воинская повинность.

Разсматривая же устройство военной силы, нельзя не касаться и важнѣйшихъ событій военной исторіи, почему въ настоящемъ трудѣ будутъ помѣщены также очерки наиболее выдающихся войнъ и походовъ.

Желаніе по возможности сдѣлать это изданіе дѣйствительно общедоступнымъ, несмотря на обширность труда, требующагося при разработкѣ громаднаго матеріала, и необходимость прилагать рисунки, планы и карты, привело къ мысли издавать его отдѣльными выпусками, которыхъ предполагается около десяти.

ГЛАВА I.

Славяне и другіе древнѣйшіе народы, жившіе въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

снованіемъ русской народности и Русскаго государства служили нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ, издревле заселявшихъ среднюю и восточную Европу.

Когда пришли славяне въ Европу, съ достовѣрностью неизвѣстно, — вѣроятно, во времена еще доисторическія, — и, какъ полагаетъ большинство историковъ, ранѣе всего славяне заселили при-Дунайскія и при-Карпатскія земли, а также берега Адриатическаго моря. Римляне, не оставившіе въ покоѣ ни одного самостоятельнаго народа, уже съ 3-го столѣтія до Р. Х. начали борьбу со славянами, паселявшими Иллирію и Македонію. Римскимъ писателямъ перваго вѣка нашего лѣтосчисленія были

уже извѣстны и болѣе отдаленныя племена славянъ подъ именемъ венедовъ. Венедами назывались славяне, жившіе преимущественно по рѣкѣ Вислѣ и на берегахъ Балтійскаго моря, откуда римляне получали янтарь.

Изъ даваемыхъ римскими писателями свѣдѣній о извѣстныхъ имъ славянахъ видно, что они отличались суровостью нравовъ и воинственностью. Жили, однако, славяне осѣдло, строили дома, занимались земледѣліемъ, носили щиты и сражались исключительно пѣшими,—слѣдовательно, рѣзко отличались отъ скивоовъ и сарматовъ, кочевыхъ народовъ, послѣдовательно занимавшихъ южныя предѣлы нынѣшней Россіи.

Вѣроятно, и славяне были также не менѣе древними обитателями средней и сѣверо-западной частей Россіи, такъ какъ уже въ V вѣкѣ до Р. Х. между племенами, населявшими наше отечество и платящими дань скиоамъ, были несомнѣнно славянскія. Во времена великаго переселенія народовъ славяне были, разумѣется, въ значительной мѣрѣ увлечены всеобщимъ движеніемъ и въ теченіе IV, V, VI и т. д. вѣковъ они послѣдовательно распространяются отъ Дуная и Адриатическаго моря на югъ, до Балтійскаго моря—на сѣверъ, рѣки Лабы (Эльбы)—на западъ и Днѣпра—на востокъ.

Въ IX вѣкѣ на мѣстахъ сложившагося затѣмъ государства Руси поселены были племена восточныхъ славянъ, т. е. обитающихъ къ востоку отъ рѣки Вислы. Эти племена были: *славяне*—у озера Ильменя и по р. Волхову; *кривичи*—по Западной Двинѣ и на верховьяхъ Днѣпра; часть кривичей носила названіе *полочанъ*—отъ рѣки Полоты, на которой они сидѣли; отъ Березины до Припяти и Пинскихъ болотъ жили *дряговичи*; между Днѣпромъ и Сожью—*родимичи*; по Днѣпру отъ Десны до Сулы—*сверяне*; по Припяти, Горыни, Случю и Тетереву—*древляне*; по правому берегу Днѣпра—отъ Припяти до Роси — *поляне*; по Западному Бугу — *волянне* (бужане, дулѣбы); въ припонтійскихъ степяхъ—отъ Днѣпра до Дуная—*уличи* и *тиверцы*; въ Карпатскихъ горахъ—*хорваты* и, наконецъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ—на Окѣ—*вятичи*. Есть, однако, много вѣроятія, что въ это же время славянами было заселено и верхнее Поволжье, т. е. Суздальскія земли.

Быть перечисленныхъ племенъ восточныхъ славянъ въ общихъ чертахъ какъ нельзя лучше опредѣляется словами нашей лѣтописи: „каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ своимъ родомъ“. Родъ означалъ всѣхъ находящихся отъ самыхъ близкихъ до самыхъ

отдаленныхъ степеней родства между собою, и въ родовой связи наши предки не понимали никакой общественной связи, такъ что слово „родъ“ употреблялось и для обозначенія понятія о народѣ или соотечественникахъ. Во главѣ родовъ или цѣлыхъ родовыхъ линій, т. е. племенъ, находились родоначальники, носившіе самыя разнообразныя имена, какъ-то: старцевъ, владыкъ, жупановъ, князей и т. д. Названіе „князь“ у восточныхъ славянъ было часто употребляемо и до прихода варяговъ.

Власть родоначальника, принадлежащая отцу семейства, по существу своему неограниченная, у славянъ, какъ народа сравнительно миролюбиваго и притомъ земледѣльческаго, значительно смягчалась и не носила того суроваго характера, какъ у ихъ сосѣдей, папримѣръ германцевъ. Такъ, у славянъ никогда не было обычая убиванія отцами слабыхъ или увѣчныхъ новорожденныхъ и обратно—дѣтьми не убивались престарѣлые, потерявшіе силы родители.

Единство рода, за смертью родоначальника, поддерживалось занятіемъ отцовскаго мѣста однимъ изъ старшихъ родичей, обыкновенно путемъ избранія его собраніемъ всѣхъ сородичей. Избранный сажался при этомъ на первое мѣсто, откуда произошли и обрядъ и выраженіе—„посадить князя“. Глава рода управлялъ всѣми работами, хранилъ

общественную казну, вносилъ подати и т. д.,—вообще, долженъ былъ всюду блюсти выгоды рода. Распоряженія его имѣли, однако, силу только при общемъ согласіи, пока всѣ видѣли, что старшій поступаетъ справедливо, какъ отецъ. Въ противномъ случаѣ родственныя или, вѣрнѣе, родовыя отношенія рушились со всѣми правами и обязанностями, которыя вообще отличались крайнею неопредѣленностью. Отсюда—возникновеніе непрерывныхъ усобицъ, частые случаи распаденія рода и выселенія недовольныхъ на новыя мѣста; а такъ какъ постоянною причиною выселеній была вражда, то, очевидно, эти вновь возникавшіе роды не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ своими прежними родичами.

Не всегда, однако, выселенія были удобны, какъ напримѣръ, изъ городовъ, т. е. пунктовъ избравшихся какъ особенно удобныхъ для жизни, огороженныхъ и укрѣпленныхъ общими силами и средствами цѣлыхъ поколѣній. Здѣсь поневолѣ приходилось уживаться нерѣдко нѣсколькимъ родамъ, а потому въ городахъ усобицы представляются явленіемъ еще болѣе, такъ сказать, зауряднымъ. Но зато городская жизнь, какъ общая, приводящая къ болѣе частымъ столкновеніямъ, скорѣе выясняла необходимость какого-либо правительственнаго на-

чала, подчиненіе которому было бы для всѣхъ одинаково обязательно. Первымъ проявленіемъ такого начала были сходки, соты, вѣча, по вначалѣ только однихъ старцевъ (старшинъ), т. е. представителей тѣхъ же родовъ.

Естественно городъ былъ, обыкновенно, первымъ возникающимъ въ странѣ населеннымъ пунктомъ. Родъ, занимая новую страну, селился, понятно, въ наиболее удобномъ мѣстѣ, для своей безопасности огораживался и затѣмъ уже, вслѣдствіе размноженія, расселялся и занималъ окрестную страну. Выселялись въ этомъ случаѣ, разумѣется, младшіе члены родовъ, а отсюда и та связь и нѣкоторая даже подчиненность, которыя замѣчаются въ отношеніяхъ новыхъ поселеній къ старымъ, т. е. деревни, села или пригорода—къ городу. Означенная связь и подчиненность сельскаго населенія городскому, помимо родовыхъ отношеній, обусловливались еще и тѣмъ, что въ случаѣ опасности сельское населеніе могло искать защиты только въ городѣ,—слѣдовательно, не могло быть между ними отношеній равнаго къ равному.

Городовъ у славянъ было очень много, но, разумѣется, это были не болѣе какъ селенія или вообще незначительные поселки, обнесенные укрѣпленіями, достаточными для обезпеченія отъ захвата

открытою силой. Городовъ же въ смыслѣ крупныхъ центровъ, сколько-нибудь напоминающихъ городъ по теперешнему понятію, было весьма немного. Во времена Олега, напимѣръ, таковыми были только Новгородъ, Смоленскъ и Кіевъ.

По свидѣтельству иностранныхъ писателей, славяне древнѣйшихъ временъ жили въ отдаленныхъ другъ отъ друга плохихъ избахъ, бросаемыхъ ими при первой же опасности. Опасности же были безпрерывны, какъ вслѣдствіе родовыхъ междоусобій, такъ и отъ воинственныхъ, сосѣднихъ, иноземныхъ племенъ. Поэтому у славянъ жилища ютились преимущественно въ лѣсахъ и болотахъ, въ домахъ имѣлось на всякій случай много выходовъ, а изъ вещей все сколько-нибудь цѣнное хранилось обыкновенно зарытымъ въ землю. Въ указанныхъ условіяхъ жизни славяне оставались весьма продолжительное время, даже и при князьяхъ Рюрика дома, такъ какъ родовыя усобицы смѣнились таковыми же князей, а набѣги сосѣдей стали, пожалуй, еще болѣе частымъ явленіемъ. Привычка непрерывно перемѣнять мѣста, даже разбрестися розно, съ цѣлью избѣгать насилія; жизнь въ суровыхъ условіяхъ тогдашней Россіи, покрытой сплошными лѣсами и непроходимыми болотами,—все это пріучило славянъ дорожить свободой и довольствоваться весьма малымъ.

Всѣ славяне были свободны и равноправны, рабства у нихъ не было и чужеземцы въ славянскихъ земляхъ пользовались также полною свободой. Даже военноплѣнные обязаны были работою на взявшаго ихъ только въ продолженіе извѣстнаго срока, послѣ чего становились совершенно свободны.

Военный бытъ славянъ совершенно согласовывался съ общественнымъ. Всѣ они были воинами, всѣ имѣли право носить оружіе и укрѣплять свои жилища. Вопросы о войнѣ или мирѣ рѣшалось вѣче и оно же опредѣляло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ большую или меньшую численность призываемыхъ къ оружію. Въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ, случаяхъ назначалось поголовное ополченіе, причемъ къ походу шли отцы со старшими сыновьями, а дома для охраненія семейства оставался одинъ младшій сынъ. Ополченія составлялись посемейно, пообщинно и, наконецъ, племенами, а начальствованіе принадлежало тѣмъ же семейнымъ, родовымъ и т. д. старѣйшинамъ.

Вообще говоря, славяне были скорѣе миролюбивы, чѣмъ воинственны, и въ большинствѣ случаевъ вели войны не съ цѣлью завоеваній, а для защиты своей свободы и независимости. Исключенія въ этомъ случаѣ составляли сѣверные поморяне, предприимавшіе частые морскіе набѣги, и южные славяне,

перѣдко нападавшіе на Византійскую имперію. Изъ древѣйшихъ набѣговъ славянъ на предѣлы Византіи, свѣдѣнія о которыхъ сохранила исторія, укажемъ на слѣдующіе:

Въ 551 году славяне вторглись въ имперію въ числѣ 3.000 человекъ и произвели страшный погромъ. Раздѣлившись на двѣ части, одна въ 1800 человекъ, а другая въ 1.200, разбивая на пути греческія войска, грабя города и забирая мнжество плѣнныхъ, они дошли съ одной стороны на югъ до Егейскаго моря, а съ другой—на западъ до Иллиріи.

Въ 623 году славянскіе морскіе разбойники появились даже въ Средиземномъ морѣ и произвели нападенія на о-въ Критъ и другіе острова.

Въ 626 году славянскія дружины на одноподеревкахъ сдѣлали нападеніе на Константинополь, по приказанію, впрочемъ, хазарскаго кагана, которому славяне въ это время были подчинены.

Въ 676 году македонскіе и ѳессалійскіе славяне окружили Солунъ (Салоники) съ суши и съ моря на одноподеревкахъ. Приступъ, однако, не удался, они были отбиты съ большимъ уропомъ и убитъ былъ ихъ воевода Хотунъ.

Въ 769 году императору Константину Копроному пришлось выкупать захваченныхъ славянскими

разбойниками христіанъ, причеиъ это обоишло ему въ 2.500 шелковыхъ одеждъ.

Указанныя уже выше разъединеніе и вражда родовъ и плеиенъ и, какъ слѣдствіе этого, слабость славянъ обусловливали и самыя способы ихъ борьбы съ виѣшними и внутренними врагами. Отъ правильныхъ сраженій, въ особенности на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ, славяне вообще уклонялись. Они выбирали для боя мѣста узкія, непроходимыя, и одинаково искусно сражались въ горахъ, въ ущельяхъ, въ лѣсахъ и болотахъ. Нападали они преимущественно внезапно, набѣгомъ, стараясь взять хитростью. Нерѣдко заманивали врага ложнымъ бѣгствомъ, бросая даже имущество, чтобы напасть на противника тогда, когда онъ зайиется грабежемъ. Сражались славяне пѣшими; будучи окружены противникомъ, укрывались за своими повозками, изъ - за которыхъ оборонялись чрезвычайно упорно. Въ бою въ ряды и шеренги или даже толпу они не соединялись, а предпочитали одиночный бой, въ которомъ были искусны. Славяне отличались также умѣньемъ плавать, причеиъ могли очень долго оставаться подъ водой, для чего лежа на спинѣ дышали черезъ выдолбленный тростникъ, конецъ котораго высовывался изъ воды. Они славилась также быстротой и неутомимостью бѣга: Ве-

лизарій, напримѣръ, пожелавъ въ 540 году въ Италіи поймать живаго Гога, поручилъ это сдѣлать славянину, такъ какъ славяне (говорить Прокопій) отличались искусствомъ ловить непріятелей.

Вооруженіе славянъ состояло: изъ двухъ маленькихъ копій (дротиковъ), мечей, сѣкиръ или топоровъ, и деревянныхъ луковъ съ маленькими стрѣлами, намазанными чрезвычайно сильнымъ ядомъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли огромные твердые и очень тяжелые щиты. Мать въ древнѣйшія времена (до IX вѣка) славяне не носили, вступая ипогда въ бой даже безъ верхней одежды, въ однихъ портахъ.

Понятно, что различныя племена славянъ, вообще отличавшихся переимчивостью, должны были многое перенять у сосѣдей, какъ въ образѣ веденія войны, такъ и въ вооруженіи. Южные славяне, напримѣръ, постоянно воюя съ римлянами и грабя ихъ города, получали въ добычу массу оружія, а потому у полянъ въ древнѣйшія уже времена встрѣчается прямой короткій мечъ, составлявшій обыкновенное оружіе римлянъ.

О наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что всѣ они похожи другъ на друга: всѣ высоки ростомъ, статны и сильны; имѣли не всѣмъ бѣлую кожу и лицо красноватое. Волосы,

большею частью темнорусы, носили длинными, или же брили голову, оставляя на верху кружокъ волосъ, а иногда носили на одной только сторонѣ головы длинный локонъ, означавшій знатность рода; бороду большею частью брили. По свидѣтельству Прокопія, славяне легко переносили зной, холодъ и непогоду; недостатокъ въ пищѣ или въ одеждѣ для нихъ не имѣлъ особеннаго значенія и, кромѣ того, они отличались крайнею нечистоплотностью.

Сосѣдями русскихъ славянъ были на сѣверо-западѣ *литовцы* и *ятваги*, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ—*финскія* племена, а на востокѣ и юго-востокѣ—племена *тюркскія*.

Къ финскимъ племенамъ относились: *ливь*, *чудь*, *водь*, *весь меря*, *мурома*, *мещера*, *черемиса*, *мордва*, *пермь* или *биармія*, *печера* и *юра*. Занимали финны весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи, по обѣ стороны Уральскаго хребта. Общее славянское названіе финновъ было—*чудь* и, по словамъ Нестора, финны платили дань Руси.

Свѣдѣнія о финнахъ чрезвычайно скудны. Большею частью они изображались грубыми язычниками, полудикими, занимающимися преимущественно охотой и рыбной ловлею. Болѣе слабые и духомъ и тѣломъ, чѣмъ ихъ сосѣди, финны подчиняются имъ: такъ и ближайшіе къ восточнымъ славянамъ были

послѣдними покорены, а впослѣдствіи и слились съ ними.

Болѣе важное значеніе въ нашей исторіи имѣли *литовскія* племена, населявшія нижнія тѣченія рр. Вислы и Нѣмана. Къ нимъ принадлежали: *пруссы*, *юляды*, *судены*, *корсь* или *куроны*, *жмудь*, *зиммола*, *летола* (латыши). Въ общественномъ отношеніи эти племена стояли первоначально не выше финновъ. Жили они въ лѣсахъ и болотахъ не большими, разрозненными племенами, подъ управленіемъ своихъ князьковъ.

Столкновенія Руси съ Литвою начались уже при Владимірѣ I. Въ древнѣйшія времена литовцы совершали свои набѣги преимущественно на коняхъ, которые у нихъ были маленькіе, но сильные и выносливые. Нападенія старались производить внезапно. Черезъ рѣки они переправлялись въ легкихъ лодкахъ изъ зубровой кожи, которыя возили съ собою, а ежели лодокъ не было, то переплывали рѣки, держась за хвосты лошадей.

Литовцы, вначалѣ довольно миролюбивый народъ, уже впослѣдствіи, подъ напоромъ своихъ сосѣдей, становятся все болѣе и болѣе воинственны, такъ что война стала уже считаться у нихъ наиболѣе почетнымъ дѣломъ. Для нея войны сзывались звономъ колоколовъ и звукомъ трубъ. Войско раздѣ-

лялось на пѣшес и конное и по хоругвямъ (знамена); пѣхота постепенно стала преобладающимъ родомъ оружія. Отличаясь смѣлостью и хладнокровіемъ, литовцы сражались храбро, стойко выдерживали нападенія и съ трудомъ обращались въ бѣгство. Они предпочитали, однако, сражаться на трудно доступныхъ мѣстностяхъ, дѣйствуя часто изъ засады. Города и замки строили на возвышенныхъ, трудно доступныхъ мѣстахъ; укрѣпляли ихъ земляными или деревянными валами и стѣнами, со рвами и тайными выходами.

Вооруженіе литовцевъ состояло изъ длинныхъ палицъ, дубинъ, налитыхъ свинцомъ, отравленныхъ стрѣлъ съ костяными наконечниками, пращей и каменныхъ сѣкиръ. Предохранительнымъ вооруженіемъ ихъ были: щиты, шипаки изъ звѣриныхъ шкуръ, носимые шерстью вверхъ, и латъ изъ конскихъ копытъ въ видѣ чешуи. Въ XIII вѣкѣ, однако, литовцы имѣли уже кованое металлическое вооруженіе.

Кромѣ литовцевъ, на сѣверо-западѣ же Руси приходилось съ самаго начала вести упорную борьбу съ *ятвягами* (въ выпѣшней Гродненской губерніи), происхожденіе которыхъ точно не установлено: по инымъ—это литовцы, по другимъ—остатки сарматовъ. Это было племя дикое, разбойническое; вели они жизнь полукочевую и, вѣря въ переселеніе душъ,

въ битвахъ не сдавались въ плѣнъ и не обращались въ бѣгство, а погибали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми.

На югѣ и юго-востокѣ славянамъ пришлось выдержать послѣдовательныя нашествія цѣлаго ряда кочевыхъ народовъ, какъ-то: гунновъ, аваровъ (обры), болгаръ, козаръ (хазары), печенѣговъ, торковъ, и половцевъ. Послѣднихъ четырехъ большинство писателей причисляетъ къ тюркскому племени.

Гунны вышли съ береговъ Азовскаго моря въ послѣдней четверти IV вѣка и, разрушивъ Готское царство, двинулись далѣе въ Паннонію (Венгрію). Изъ восточно-славянскихъ племенъ нашествіе гунновъ задѣло только находившихся на крайнемъ югѣ, на берегахъ Днѣпра и Буга. По сказаніямъ, гунны имѣли такую чудовищную наружность, что нельзя было выносить ихъ вида. Жили они какъ дикіе звѣри: питались кореньями и мясомъ звѣрей, согрѣвая послѣднее подъ сѣдломъ. Безобразная обувь мѣшала имъ ходить,—они вѣчно были на коняхъ,—домовъ не хотѣли знать, легко переносили голодъ и жажду.

На смѣну гунновъ пришли авары (обры), въ 565 году перешедшіе Донъ. Угнетенія славянъ аварами отличались жестокостью и обращеніе ихъ какъ нельзя лучше обрисовывается тѣмъ, что когда об-

рину надо было куда-нибудь ѣхать, то въ телѣгу его впрягали не лошадей или быковъ, а по три, по четыре или по пяти славянскихъ женщинъ. По описанію, обры были тѣломъ велики и умомъ горды и византійцы считали ихъ народомъ очень разумнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лживымъ и коварнымъ. Въ концѣ, вѣроятно, VIII вѣка могущество аваровъ падаетъ, а вслѣдъ затѣмъ они были окончательно истреблены болгарами. Когда именно освободились юго-восточные славяне отъ аваръ—неизвѣстно, но въ половинѣ IX вѣка они уже платятъ дань другому степному народу—козарамъ.

Козары (хазары) извѣстны въ исторіи со II вѣка по Р. Х., когда они обитали въ нынѣшнемъ Кавказѣ. Покоренные гуннами, они, послѣ паденія царства послѣднихъ, сами становятся завоевателями и покоряютъ всѣ земли по сѣверному берегу Азовскаго и Чернаго морей. Это былъ полукочевой народъ, зиму жившій въ городахъ и селеніяхъ, а лѣтомъ кочевавшій. При устьѣ Волги находился ихъ главный городъ Итилъ, въ которомъ жилъ ихъ повелитель, носившій титулъ кагана. Кромѣ того они имѣли еще два замѣчательные города — Семендеръ и Саркелъ (Сергилъ); въ особенности интересенъ первый, имѣвшій до 40.000 виноградниковъ.

Хазарскій каганъ имѣлъ верховную власть, пре-

имущественно религіозную, управление же находилось въ рукахъ его намѣстника, носившаго титулъ *пехъ* или *бегъ*. Онъ же предводительствовалъ войсками, которыя состояли изъ наемниковъ магометанъ—*ларси*—и своихъ народныхъ ополченій.

Нашествіе печенѣговъ и удачные походы все болѣе усиливающихся русскихъ князей разрушили царство козаровъ и ихъ мѣста заняли печенѣги. Города Семендеръ и Итиль были взяты великимъ княземъ Святославомъ въ ноябрѣ 968 года и окончательно разрушены. Четыре года спустя арабскій путешественникъ и историкъ Ибнъ-Хаукаль видѣлъ уже однѣ развалины Итиля.

Смѣнившіе хазаръ печенѣги вышли изъ-за Уральскаго хребта на низовья Яика и Волги и расселились затѣмъ по сѣверному берегу Азовскаго и Чернаго морей, занявъ всю страну отъ Дона до Дуная, верховьевъ Прута и рѣкъ Сулы и Роси. Печенѣги дѣлились на восемь ордъ, подъ управленіемъ отдѣльныхъ князей. Четыре ихъ орды поселились на западъ отъ Днѣпра и четыре—на востокъ.

Народъ полукочевой, полусѣдлый, они были очень безпокойны и хищны и по развитію стояли гораздо ниже хазаръ. Будучи отличными наѣздниками и дѣйствуя исключительно на конѣ, они составляли превосходную легкую конницу. Предохранительное

вооруженіе ихъ состояло изъ кольчуги и шлема, а главнымъ оружіемъ былъ колчанъ, наполненный стрѣлами, и кривой лукъ въ палучьѣ; и то и другое привѣшивалось съ боковъ на поясъ. Кромѣ того, они носили обоюдоострый трехгранный мечъ и копья—длинные или короткія — для метанія. На длинныхъ копьяхъ они имѣли значки — *пирорцы*.

Бой печенѣги начинали съ того, что, осыпавъ противника тучею стрѣлъ, бросались на него съ копьями, а вслѣдъ затѣмъ немедленно обращались въ бѣгство, стараясь заманить за собою и непріятеля. Выждавъ удобную минуту, они снова бросались въ атаку и т. д., пока не утомятъ противника, послѣ чего завершали дѣло рукопашнымъ боемъ—мечами. Ихъ стремительныя конныя атаки наводили совершенный ужасъ на людей. Станъ печенѣговъ, защищать который имъ нерѣдко приходилось, составлялся изъ связанныхъ и поставленныхъ въ кругъ повозокъ. Внутри этого круга изъ повозокъ же устраивались кривые проходы, такъ что это была въ полномъ смыслѣ слова крѣпость, въ оборонѣ которой принимали участіе и женщины и взять которую было очень трудно.

Для переправы черезъ рѣки печенѣги употребляли небольшіе кожаные мѣшки, набитые соломой

или тростникомъ, сидя на которыхъ держались за хвосты плывущихъ лошадей.

Спошенія печенѣговъ съ сосѣдными русскими княжествами начались въ 915 году и отличались крайнимъ непостоянствомъ: то они были дружественны, то враждебны. Нерѣдко они служили наемниками у нашихъ князей, а вслѣдъ затѣмъ производили опустошительныя набѣги на русскія земли. Русскіе отвѣчали имъ тѣмъ же, и борьба велась съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Вскорѣ однако, т.-е. уже въ началѣ XI столѣтія (около 1055 года), мѣста сѣверныхъ печенѣговъ заняты были сроднымъ имъ племенемъ тюркскаго же происхожденія, *торжами*, владычество которыхъ было весьма тоже непродолжительно,—ихъ смѣнили *половцы* (куманы). Остатки печенѣговъ и торковъ, смѣшавшись на югѣ Россіи и образуя бродячія шайки, извѣстны впослѣдствіи подъ различными именами, какъ-то: *берендѣвъ*, *черныхъ клобуковъ* и *ковцевъ*. Нѣкоторые изъ нихъ получали отъ русскихъ князей земли для заселенія на нашихъ южныхъ границахъ, съ условіемъ ихъ обороны.

Самостоятельное существованіе половцевъ также продолжалось недолго. Появившись въ концѣ XI столѣтія, уже въ началѣ XIII они первые были покорены монголами и, послѣ неудачнаго возстанія

хана ихъ Котяна (1239 г.), удалились въ числѣ 40 тысячъ въ Венгрію. Съ половины XIII столѣтія имя половцевъ исчезаетъ въ исторіи.

Несмотря на кратковременность пребыванія половцевъ въ нашихъ предѣлахъ, они имѣли большое значеніе въ исторіи Россіи. Значеніе это было слѣдствіемъ какъ ихъ постояннаго участія въ княжескихъ усобицахъ, причемъ они являлись или союзниками или, еще чаще, наемниками, такъ и безпрерывныхъ набѣговъ ихъ на русскія волости. Наши лѣтописи перечисляютъ 37 однихъ важнѣйшихъ набѣговъ, изъ которыхъ наиболѣе жестокими были набѣги свирѣпыхъ хановъ Боляка и Кончака — въ концѣ XI и XII вѣковъ.

Въ военномъ отношеніи половцы не представляли почти никакого различія съ одноплеменными имъ хазарами и печенѣгами.

Болгары (волжско-камскіе) пришли въ Россію съ Кавказа около IV вѣка по Р. Х. и расселились по берегамъ Волги и Камы. Въ началѣ X вѣка они составляли уже сильное царство, управляемое каганомъ (хоканъ, ханъ), столицею котораго былъ городъ Болгарь, расположенный на берегу Волги, нѣсколько ниже впаденія въ нее Камы. Занимая страну, лежавшую на главныхъ торговыхъ путяхъ изъ Новгорода и съ береговъ Балтійскаго моря въ Азію,

болгары получили нѣкоторое гражданское развитіе и благоустройство ранѣе другихъ сѣверо-восточныхъ народовъ.

Съ русскими они находились въ непрерывныхъ войнахъ. Ихъ вторженія въ Русь и обратно русскихъ въ Болгарію длились вплоть до нашествія монголовъ. Въ набѣгахъ на болгарскія владѣнія особенно отличались новгородцы.

Въ концѣ V вѣка часть волжско-камскихъ болгаръ отдѣлилась и, переселившись на Дунай, основала свое малое Болгарское царство. Византійскія хроники описываютъ болгаръ какъ народъ кровавый, дикій и свирѣпый. Россія имѣла дѣло съ дунайскими болгарами при Святославѣ I, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ разсказано подробно.

ГЛАВА II.

РУСЬ.

Призваніе варяговъ. — Рюрикъ. — Походъ Аскольда и Дира въ Византію. — Княженіе Олега и его войны.

Въ то время, когда южныя племена славянъ платили дань народамъ, населявшимъ югъ Россіи, сѣверныя—платили дань варягамъ. Кто такіе были варяги, еще не рѣшено изслѣдователями нашей исторіи; несомвѣнно, однако, то, что варяги не только предпринимали походы въ сѣверныя предѣлы Руси и собирали дань съ жившихъ тутъ славянскихъ племенъ, но и владѣли даже частью Руси.

Впослѣдствіи варяги были однако изгнаны насе-

леніемъ, выведеннымъ изъ терпѣнія ихъ притѣсненіями, и племена славянъ сами стали у себя владѣть. Дѣло отъ этого не пошло лучше, всталъ родъ на родъ, не было правды и не въ состояніи были племена установить у себя внутренній порядокъ. Такъ какъ главною причиною непорядковъ было родовое устройство и враждебность родовыхъ отношеній, то совершенно было понятно стремленіе племенъ найти правительство чуждое всякимъ родовымъ связямъ. Таковымъ могъ быть только князь чужаго племени, а потому въ половинѣ IX вѣка, въ 862 г., нѣкоторыя изъ сѣверныхъ славянскихъ племенъ призываютъ трехъ варяжскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора. Прибывъ со своими сильными дружинами, эти князья размѣстились слѣдующимъ образомъ: Рюрикъ въ Ладогѣ, Синеусъ — на Бѣлоозерѣ и Труворъ—въ Изборскѣ.

Черезъ два года, по смерти Синеуса и Трувора Рюрикъ соединилъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми пятью призвавшими князей племенами. Онъ покоряетъ потомъ западно-двинскихъ кривичей-полочанъ, а также мерь и мурому, а затѣмъ переходитъ въ Новгородъ, на озеро Ильмень. На подчиненныя племена была наложена дань, а города были розданы мужамъ княжеской дружины. Устанавливается такимъ образомъ связь между разроз-

ненными родами и племенами через посредство мужей, подчиненных одному князю; начинается за-рождаться русское государственное устройство.

Тѣмъ не менѣе смуты продолжаются и при Рю-рикѣ, отъ котораго многіе спасались на югъ — по великому днѣпровскому водному пути. Туда же на-правились со своимъ родомъ Аскольдъ и Диръ, не получившіе отъ Рюрика городовъ, а потому отпра-сившіеся въ Грецію. На пути, въ землѣ полянъ, они овладѣли Кіевомъ, гдѣ и остановились. Сюда сталъ стекаться къ нимъ всякій сбродъ, всѣ недовольные и всѣ искатели приключеній. Въ скоромъ времени у нихъ образовалась многочисленная дружина, съ которой они и предпринимаютъ въ 865 году походъ къ Царьграду на 200 ладьяхъ (8 тысячъ человекъ).

Царьградъ былъ уже обложенъ руссами, кото-рые, по свидѣтельству очевидца патріарха Фотія, стали насыпать валъ къ стѣнамъ города, съ цѣлью облегчить приступъ. Всѣ окрестности были разграб-лены и опустошены, жители звѣрски перебиты, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, руссы сняли осаду и, захвативъ громадную добычу, ушли на сво-ихъ ладьяхъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, они получили извѣстіе о приближеніи императора Михаила III съ греческими легіонами и флотомъ, съ которыми онъ пошелъ было противъ сарацинъ, но, получивъ из-

вѣстіе о нападеніи руссовъ, поспѣшилъ вернуться для выручки столицы.

По смерти Рюрика, Олегъ, правившій за малолѣтствомъ сына Рюрикова Игоря, и самъ со своею дружиной направился изъ Новгорода на югъ, оставивъ въ сѣверныхъ городахъ и земляхъ своихъ мужей. На пути Олегъ овладѣлъ странюю кривичей и ихъ городомъ Смоленскомъ, Сѣверскою областью съ главнымъ городомъ Любечемъ и наконецъ Кіевомъ (въ 882 году).

Со времени похода Аскольда и Дира по 907 годъ, т.-е. въ продолженіе 42 лѣтъ, отношенія Руси къ Византіи были повидимому мирнаго свойства. Руссы находились даже на греческой службѣ: такъ, въ 902 году, при Львѣ Премудромъ, у него во флотѣ служили 700 человекъ руссовъ, принимавшихъ участіе въ походѣ на островъ Критъ. На ихъ содержаніе выходило 100 литровъ (фунтовъ) золота.

Вѣроятно со стороны грековъ послѣдовало какое-либо крупное нарушеніе договоровъ съ Русью, такъ какъ въ 907 уже году, т.-е. на 29 годъ своего управленія, Олегъ также предпринялъ походъ противъ грековъ. Въ походѣ, помимо княжеской дружины, приняли участіе: славяне (новгородцы), чудь, кривичи, мерь, поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулебы и тиверцы. Слѣдовательно, это

былъ уже не набѣгъ шайки варяговъ, а предпріятіе соединенныхъ силъ всѣхъ славянскихъ и частью финскихъ племенъ, населявшихъ тогдашнюю Русь. По свидѣтельству лѣтописей, походъ былъ предпринятъ на коняхъ и ладьяхъ и послѣднихъ было 2.000, причемъ на каждой по 40 человѣкъ. Конница была отправлена сухимъ путемъ. Силы были, очевидно, весьма значительныя,—одной пѣхоты, на ладьяхъ, 80.000. Необходимо, однако, замѣтить, что это показываемое у Олега число вовсе не велико, ежели только сравнить его съ тѣми силами, которыя неоднократно собирались въ этихъ же странахъ въ еще болѣе древнія времена. Митридатъ, напримеръ, для войны противъ римлянъ, собралъ въ Великой Скиіи, т.е. той же южной Россіи, 190.000 пѣхоты и 16.000 конницы. Историкъ Зосимъ говоритъ, что въ III вѣкѣ скионы собрали у Днѣстра 6.000 судовъ и посадили на нихъ 320 тысячъ войска для набѣга на Византію, тогда еще римскую провинцію. Казалось бы, послѣ этого нѣтъ никакого основанія предполагать невозможнымъ и для Олега выполнить свои вооруженія въ приведенномъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе, что и силы-то его далеко не такъ баснословны, какъ только-что приведенныя.

Походъ Олега увѣнчался полнымъ успѣхомъ, такъ какъ греки, въ виду угрожавшей Царьграду осады,

согласились на потребованныя Олегомъ условія мира, уплатили по 12 гривенъ на ладью и заключили предварительный, а впоследствии окончательный мирный договоръ, по которому руссы приобрѣли существенныя права въ греческихъ областяхъ.

Изъ преданій объ Олегѣ видно, что онъ представлялся не столько храбрымъ воиномъ и предводителемъ, сколько мудрымъ, искуснымъ и хитрымъ. Онъ же является первымъ собирателемъ племенъ; онъ строитъ города и подъ его общимъ знаменемъ племена впервые познаютъ свое единство и соединенными силами участвуютъ въ походѣ.

Игорь и его войны. — Походы руссовъ въ Каспійское море.

При Игорѣ, княжившемъ послѣ Олега (912—945 г.), по свѣдѣнїямъ восточныхъ лѣтописей, руссы предприняли походъ въ Хазарское (Каспійское) море. Впрочемъ, еще и ранѣе руссы совершали набѣги въ Каспійское море: первый изъ нихъ относится на 880 годъ: когда руссы произвели нападеніе на Абезгунъ, но всѣ при этомъ погибли. Второй—въ 909 году, руссы на 16 ладьяхъ появились въ Табаристанѣ и опустошили его. Теперь же, въ 913 году, уже 500 русскихъ судовъ, имѣя по 100 человѣкъ на каждомъ, т.-е. 50.000, вошли въ Донъ и съ разрѣшенія хазарскаго кагана поднялись вверхъ,

переволокли свои суда въ Волгу и по ней уже вышли въ Каспійское море. Здѣсь они принялись грабить западный берегъ вплоть до Нефтяной земли и области Азербайджанской и главнаго ея города Ардебиля, а на югъ до города Сари. Послѣ всякаго набѣга руссы скрывались на островахъ, и попытка хана азербайджанскаго выбить ихъ съ острововъ кончилась полною неудачей.

Награбивъ достаточныя богатства, руссы двинулись обратно и, согласно уговору, послали хазарскому кагану половину своей добычи. Мусульманская гвардія кагана потребовала, однако, разрѣшенія напасть на руссовъ, чему каганъ не могъ воспрепятствовать и только предупредилъ руссовъ объ угрожавшей имъ опасности. Мусульмане и христіанскіе жители Итиля, въ числѣ 15.000 человекъ, двинулись противъ руссовъ, которые встрѣтили ихъ выйдя изъ своихъ лодокъ. Бой продолжался три дня сряду и кончился полнымъ поражениемъ руссовъ, изъ которыхъ едва 5.000 успѣли уйти вверхъ по Волгѣ, но и эти остатки были истреблены болгарамъ.

Самъ Игорь предпринималъ два похода въ Константинополь,—первый въ 941 году, окончившійся неудачею. Князь пошелъ моремъ къ берегамъ Византійской имперіи, съ силами, простиравшимися, вѣроятно, до 10.000, или нѣсколько болѣе. Греки,

узнавшіе объ этомъ черезъ болгаръ, находились въ крайне затруднительномъ положеніи: флотъ ихъ и бѣольшая часть войскъ были въ то время направлены противъ сарацинъ, а руссы между тѣмъ успѣли уже высадиться въ Виѳиніи (Малая Азія) и грабежи ихъ распространились до самаго Босфора Фракійскаго, котораго достигли въ половинѣ іюля.

Въ гавани Царьграда нашлось всего десятка полтора старыхъ кораблей (хеландій) и императоръ Романъ, самъ бывшій морякъ, приказалъ ихъ исправить и снабдить огнеметательными снарядами. Снаряды эти (аргументы), т.-е. трубы, изъ которыхъ пускали на врага знаменитый греческій огонь, были установлены не только на кормѣ, но и на носу и на обоихъ бортахъ хеландій, такъ что бросать огонь было удобно во всѣ стороны. Вѣроятно, главною составною частью греческаго огня была нефть, какъ извѣстно горящая и на водѣ. Сами греки называли его „влажнымъ огнемъ“.

Снаряженный такимъ образомъ, флотъ, подъ начальствомъ протовестіарія Теофана *), встрѣтилъ русскихъ у Фара или Искреста, т.-е. маяка при выходѣ изъ пролива въ Черное море. Погода была совершенно тихая, что было очень выгодно для

---

*) Протовестіаріемъ назывался хранитель императорскаго платья.

грековъ, такъ какъ только въ тихую погоду можно было удачно дѣйствовать греческимъ огнемъ, въ вѣтеръ же и на волненіи онъ большею частью не достигалъ цѣли. Когда суда противниковъ сблизились и греческій огонь былъ пущенъ во всѣ стороны, то обливаемая имъ русскія ладьи и все на нихъ находящееся немедленно загорались. Горящіе руссы бросались понятно въ воду, спасаясь отъ огня, но и здѣсь продолжали горѣть. Спаслись только тѣ суда, которые успѣли уйти къ азіатскому берегу, на мелководье, недоступное греческимъ, глубоко сидящимъ хеландіямъ.

Здѣсь, на Мало-Азійскомъ берегу руссы продолжали тѣмъ не менѣе держаться и грабить страну до сентября мѣсяца. Отряды ихъ не разъ терпѣли пораженія отъ византійскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ патрикія Варды Фоки и domestика *) Иоанна Куркуя. Тѣмъ не менѣе, Игорь принялъ рѣшеніе возвратиться домой только тогда, когда довольствоваться войска въ совершенно разоренномъ краѣ стало очень трудно. На обратномъ пути его флотъ былъ снова атакованъ сторожившимъ его Теофаномъ и снова разбитъ. Говорятъ, что послѣ этого Игорь всего только съ десятию ладьями успѣлъ

*) Доместикъ — начальникъ полковъ, стоящихъ въ Царьградѣ.

дойти до Босфора Киммерійскаго (теперь Керченскій проливъ).

По возвращеніи въ Россію, Игорь посвятилъ три года на приготовленія къ новому походу на Царьградъ и въ 944 году предпринялъ его уже съ гораздо болѣе значительными силами. Наняты были печенѣги и направились войска Игоря и моремъ на ладьяхъ и сухимъ путемъ. Испуганные греки послали навстрѣчу ему посольство, предлагая большой выкупъ, вслѣдствіе чего Игорь, уже дошедшій до Дуная, созвалъ дружину, чтобы обсудить предложеніе императора. Дружина рѣшила не бившись взять выкупъ въ золотѣ, серебрѣ и паволокахъ (шелковыя матеріи). „Какъ знать,— говорила дружина,— кто одолѣетъ: мы или они? Да съ моремъ нельзя заранѣе уговориться“. Въ слѣдующемъ же году былъ заключенъ мирный договоръ, менѣе однако выгодный для русскихъ, чѣмъ Олеговъ.

Къ этому же времени, т.-е. къ 943 году, относится четвертый походъ руссовъ въ Каспійское море, откуда они поднялись вверхъ по рѣкѣ Курѣ, взяли городъ Бердаа — столицу Аррана и разбили еще потомъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ. Развившаяся однако среди русскихъ заразная болѣзнь на столько ослабила ихъ силы, что, разбитые правителемъ Азербайджана Мерзебаномъ,

они, послѣ продолжительной обороны крѣпости Бердаа, вынуждены были сѣсть на свои суда и возвратиться домой.

Сказанія объ Игорѣ вообще рисуютъ его вождемъ не смѣлымъ, новыхъ племенъ онъ не покоряетъ, дружина его бѣдна и робка. Съ большими силами, какъ мы видѣли, Игорь возвращается безъ боя изъ похода на грековъ, потому что ни онъ, ни дружина не увѣрены въ себѣ. Къ тому же онъ былъ корыстолюбивъ и жаденъ, не любилъ дѣлить добычу съ дружиной, почему, взявъ уже дань съ древлянъ, отсылаетъ дружину и почти одинъ остается, чтобы вторично взять дань, но ужь себѣ одному, за что и былъ убитъ древлянами.

Святославъ I-й и его войны съ болгарамн и греками.

Совершенную противоположность приведенному выше характеру Игоря представляетъ его сынъ Святославъ (957—972 г.). Это былъ воинъ въ душѣ, жившій одною войной и воевавшій для славы, а не для власти или добычи. Всѣ 15 лѣтъ своего княженія Святославъ велъ войны, совершенно пренебрегая всякими удобствами жизни. Идя въ походъ, обоза онъ не имѣлъ, мяса не варилъ, а печь на угольяхъ конину, звѣрину или говядину. Шатра у него не

было, спалъ же онъ на потникѣ, положивъ подъ голову сѣдло вмѣсто подушки. Воюя не съ соединенными силами подвластныхъ ему племенъ, а съ отборной дружиною такихъ же, какъ онъ, удалцовъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, Святославъ и дѣйствовалъ быстро. Не стѣсняемый обозомъ, онъ могъ дѣлать быстрые и большіе переходы, по словамъ преданія, „ходя легко какъ пардусъ (барсъ)“. Предпринимая противъ кого-либо походъ, Святославъ посылалъ обыкновенно къ своимъ противникамъ объявленіе: „хочу на васъ идти“.

Прежде всего Святославъ въ 966 году двинулся на хазаръ, разбилъ ихъ кагана и взялъ ихъ главный городъ на Дону — Саркель, или Бѣлую-Вежу. Послѣ этого онъ проникъ въ сѣверный Кавказъ и побѣдилъ ясовъ и касоговъ.

По свѣдѣніямъ восточныхъ писателей, въ 968 г. Святославъ пошелъ противъ волжско-камскихъ болгаръ, разграбилъ ихъ главный городъ — Болгаръ откуда спустился внизъ по Волгѣ. На пути имъ были взяты и разрушены хазарскіе города: Козеронъ, Итиль и Семендеръ, послѣ чего, выйдя въ Каспійское море, онъ черезъ Кавказъ двинулся обратно въ Россію, покоривъ еще и Тмутаракань—на берегу Босфора Киммерійскаго. Вслѣдъ затѣмъ Святославъ побѣдилъ и наложилъ дань на вятичей,

единственное сохранившее до сихъ поръ самостоятельность славянское племя.

Наибольшій, однако, интересъ представляютъ войны, веденныя Святославомъ I въ Болгаріи, и его борьба съ Греціей, для ознакомленія съ которыми имѣются сравнительно богатые источники.

Возникновеніе предпріятія Святослава противъ дунайскихъ болгаръ, нѣкоторыми изъ византійскихъ писателей объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ 966 году между императоромъ Никифоромъ Фокою и царемъ болгаръ Петромъ возникли настолько серьезныя разногласія и неудовольствія, что очевидна была неизбѣжность войны. Между тѣмъ для Греціи, занятой серьезною борьбой съ сарацинами, эта новая война была совсѣмъ нежелательна и опасна.

Вслѣдствіе этого императоръ отправилъ патрікія Калокиру, сына херсонскаго намѣстника, съ порученіемъ склонить Святослава сдѣлать набѣгъ на Болгарію, какъ говорятъ, за громадную сумму 15 кентинарій золота. Это составляло 1.500 литровъ или 26—27 пудовъ золота представлявшихъ цѣнность равняющуюся почти 400.000 серебрянныхъ рублей.

Великій князь Святославъ Игоревичъ охотно согласился на сдѣланное предложеніе и въ 967 году *)

---

*) По Гозлицыну: въ 968 году.

весною отправился съ 10.000 воиновъ на ладьяхъ по Днѣпру и Черному морю къ берегамъ Дуная. По византійскимъ источникамъ у Святослава было будто бы 60.000 человѣкъ.

Не ожидавшій нападенія Петръ узналъ о немъ уже въ августѣ, когда руссы плыли вверхъ по Дунаю. Наскоро собравъ войска, онъ попытался было воспрепятствовать высадкѣ Руссовъ, но былъ разбитъ и вынужденъ запереться въ Доростолѣ или Дристрѣ (Силистрія). Святославъ быстро овладѣлъ всею восточною частью Болгаріи, занялъ Переяславецъ (нынѣшніе Праводы) и даже проникъ во Фракію и Македонію. Успѣхамъ Святослава много способствовала смерть царя Петра, послѣдовавшая скоро послѣ понесеннаго имъ пораженія. Святославъ совершенно правильно оцѣнивая важность пріобрѣтенія для Руси такого богатаго края какъ Болгарія; всю выгоду ея положенія въ торговомъ отношеніи и главное — значеніе Дуная, какъ первостепеннаго торговаго пути, рѣшилъ остаться въ Болгаріи и свою столицу перенести въ Переяславецъ.

Императоръ Никифоръ только теперь понялъ, что призваніе Святослава не только не поправило дѣлъ имперіи, но скорѣе даже ухудшило ихъ, такъ какъ безпокойные руссы въ Болгаріи являлись еще болѣе опасными сосѣдями. Къ тому же онъ узналъ

и о намѣреніи Калокира, находившагося при Свято-славѣ, воспользоваться содѣйствіемъ руссовъ, чтобы овладѣть императорскимъ престоломъ. Никифоръ Фока сталъ готовиться къ войнѣ, собирать и обучать войска, усиливать укрѣпленія Царьграда, на стѣнахъ котораго приказалъ установить множество метательныхъ машинъ, а входъ въ Суду (Царьградскій заливъ) преградить тяжелою цѣпью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался возбудить болгаръ противъ руссовъ, и есть основанія предполагать, что онъ же подкупилъ печенѣговъ произвести нападеніе на Кіевъ. Въ 968 году печенѣги дѣйствительно осадили Кіевъ, въ которомъ находилась княгиня Ольга съ дѣтьми Святослава. Воеводѣ Претичу, собравшему кое-какія войска, удалось обманомъ спасти Кіевъ отъ разоренія; онъ увѣрилъ печенѣговъ въ томъ, что его отрядъ только авангардъ уже приближающагося Святослава. Печенѣги посѣшили снять осаду и двинулись назадъ въ степи, но Святославъ, извѣщенный объ осадѣ, посадивъ дружину на коней, быстро прибылъ къ Кіеву. Не заставъ уже здѣсь печенѣговъ, онъ двинулся въ степи, настигъ и разбилъ ихъ и принудилъ заключить миръ.

Въ 969 году скончалась великая княгиня Ольга, и Святославъ, отдавъ Русь своимъ тремъ сыновьямъ,

въ 970 уже году вновь отправился въ Болгарію. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ враждебно болгарами, и хотя высадился безпрепятственно, но ему снова пришлось брать съ боя Переяславецъ, Доростоль и другіе болгарскіе города.

Между тѣмъ и въ Царьградѣ за это время произошелъ переворотъ. Никифоръ Фока былъ убитъ Иоанномъ Цимисхіемъ, вступившимъ на престоль въ декабрѣ 969 года. Новый императоръ, желая оградить сѣверныя границы государства отъ русовъ, но къ войнѣ еще неготовый, два раза отправлялъ къ Святославу посольства. Онъ обѣщаль значительно увеличить сумму, которую, повидимому, Никифоръ Фока обязался уплатить, но съ тѣмъ однако, чтобы руссы очистили Болгарію, грозя въ противномъ случаѣ войною. Святославъ гордо отвѣчалъ, что императору нѣтъ никакой надобности предпринимать походъ въ Болгарію, такъ какъ руссы сами явятся въ Царьградъ, самому же Цимисхію совѣтоваль удалиться въ Малую Азію.

Въ виду неизбежности войны и желая обезпечить свои приготовленія къ ней, Цимисхій выслалъ Варда Склира съ 10.000 отрядомъ па границы Болгаріи. Святославъ также собралъ до 30.000 человекъ болгаръ и наемныхъ венгровъ и печенѣговъ, перешелъ съ ними Гемскій хребетъ (Балканы), взялъ Филиц-

пополь *) и заставил Варда Склира запереться въ Адрианополь. Святославъ обложилъ городъ, но войска его немедленно принялись за грабежъ страны, для чего разсѣялись въ окрестностяхъ Адрианополя и не принимали никакихъ мѣръ осторожности. Пользуясь этимъ, Варда Склиръ вышелъ изъ города, расположилъ часть своихъ войскъ въ засадѣ, а конницу выслалъ впередъ завязать дѣло и заманить непріятеля на засаду. Печенѣги, обманутые этимъ маневромъ, были опрокинуты; на помощь имъ двинулся Святославъ, имѣя впереди венгерскую конницу. Въ свою очередь опрокинутые венгры разстроили сзади находившуюся пѣхоту, которую вслѣдъ затѣмъ Варда Склиръ окружилъ и атаковалъ со всѣхъ сторонъ. Понеся громадныя потери, Святославу удалось однако пробиться и отступить за Гемскій хребетъ. Интересно привести здѣсь цифровыя данныя, приводимыя византійскими историками при описаніи этой войны. Такъ, на примѣръ, силы Святослава во время его дѣйствій противъ Варда Склира показываются въ 300.000 человекъ. Эта 300.000 армія разбита, какъ мы видѣли, подъ Адрианополемъ всего 10.000 отрядомъ грековъ! Но

---

*) По словамъ византійцевъ, Святославъ приказалъ здѣсь посадить на колы до двадцати тысячъ болгаръ.

лучше всего то, что руссовъ погубло будто бы въ этомъ сраженіи болѣе 20.000 человекъ, а греки потеряли 55 человекъ убитыми и много раненыхъ.

Пораженіе подъ Адрианополемъ имѣло однако мало вліянія на положеніе руссовъ, продолжавшихъ и послѣ этого разорять Фракію и Македонію. Варда Склира пришлось отозвать изъ Адрианополя и отправить въ Малую Азію противъ возставшаго Варды Фоки, брата убитаго Никифора. Положеніе Цимисхія было крайне затруднительно,—надо было предпринять рѣшительныя дѣйствія для обузданія все увеличивающейся смѣлости руссовъ. Но для этого требовались значительныя приготовленія, окончить которыя нельзя было ранѣе весны слѣдующаго года, да къ тому же въ наступившее зимнее время переходъ черезъ Гемскій хребетъ былъ невозможенъ. Въ виду этого Цимисхій снова завелъ переговоры со Святославомъ, послалъ ему значительныя подарки и, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣло закончилось заключеніемъ предварительнаго договора о мирѣ. Заключение договора, или по крайней мѣрѣ перерывъ военныхъ дѣйствій между враждующими сторонами, доказывается тѣмъ, что уже весною въ станъ Цимисхія отъ Святослава прибыло посольство для предъявленія цѣлаго ряда жалобъ, которыя, разумѣется, могли имѣть мѣсто только при условіи мир-

ныхъ отношеній, основанныхъ на какомъ-либо договорѣ. Этимъ же объясняется и оставленіе Святославомъ незанятыми горныхъ проходовъ (киссуръ) черезъ Гемскій хребетъ.

Между тѣмъ весною 971 года Цимисхій выслалъ изъ Суда свой флотъ, состоявшій изъ 300 судовъ, съ приказаніемъ войти въ Дунай, а самъ съ войсками двинулся къ Адріанополю. Здѣсь императоръ былъ чрезвычайно обрадованъ доставленнымъ ему извѣстіемъ, что горные проходы не заняты руссами, вслѣдствіе чего Цимисхій во главѣ своихъ безсмертныхъ тѣлохранителей (конные латники числомъ до 2.000 человекъ), и имѣя сзади 15.000 пѣхоты и 13.000 конницы, всего 30.000, безпрепятственно прошелъ страшныя классуры и 12-го апрѣля совершенно неожиданно для руссовъ подошелъ къ Преславѣ, занятой воеводою Святослава Сфенкеломъ. На другой день Цимисхій, построивъ свою армію въ густыя фаланги, двинулся къ городу; передъ которымъ его ожидали построившіеся на открытомъ мѣстѣ руссы. Завязался чрезвычайно упорный бой, но руссы, не имѣя конницы, не могли устоять противъ греческихъ всадниковъ и, когда безсмертные охватили ихъ лѣвое крыло, вынуждены были отступить въ городъ.

14-го числа прибыли къ Цимисхию остальные его

войска съ камнометными и стѣнобитными машинами. Торопясь взять Преславу до прибытія на выручку Святослава, греки, безъ труда разбившіе деревянные стѣны, пошли немедленно на приступъ и послѣ отчаяннаго боя овладѣли городомъ. Сфенкель отступилъ и заперся въ царскомъ дворцѣ, въ которомъ продолжалъ обороняться до тѣхъ поръ, пока Цимисхій не приказалъ зажечь его. Выгнанные пламенемъ изъ дворца, руссы вышли изъ него и отчаянно отбивались отъ окружившихъ ихъ грековъ. Почти всѣ были истреблены, только самому Сфенкелю всего съ нѣсколькими воинами удалось пробиться и уйти къ Святославу въ Доростоль.

Въ Преславѣ греками былъ взятъ въ плѣнъ, болгарскій царь Борисъ, котораго Цимисхій отпустилъ на свободу и даже заключилъ съ нимъ союзъ.

Въ это время у Святослава войска были разбросаны не только по всей Болгаріи, но и въ Македоніи, и войны онъ очевидно не ожидалъ. Болгары съ самаго начала военныхъ дѣйствій возстали противъ него, такъ что съ одною своею русскою дружиной и частью наемныхъ венгровъ и печенѣговъ Святославу приходилось бороться съ Цимисхіемъ. Усилія Святослава собрать свои войска къ Доростолу не могли увѣнчаться особеннымъ успѣхомъ, ежели только принять во вниманіе съ одной стороны неожки-

данность для него войны, а съ другой—быстроту дѣйствій Цимисхія. Дѣйствительно, 13-го апрѣля произошло неожиданное для русскихъ (по словамъ византійскихъ лѣтописцевъ) первое сраженіе подъ Преславою, а 23-го апрѣля, т.-е. черезъ 10 дней, самъ Святославъ былъ уже атакованъ греками подъ Доростоломъ.

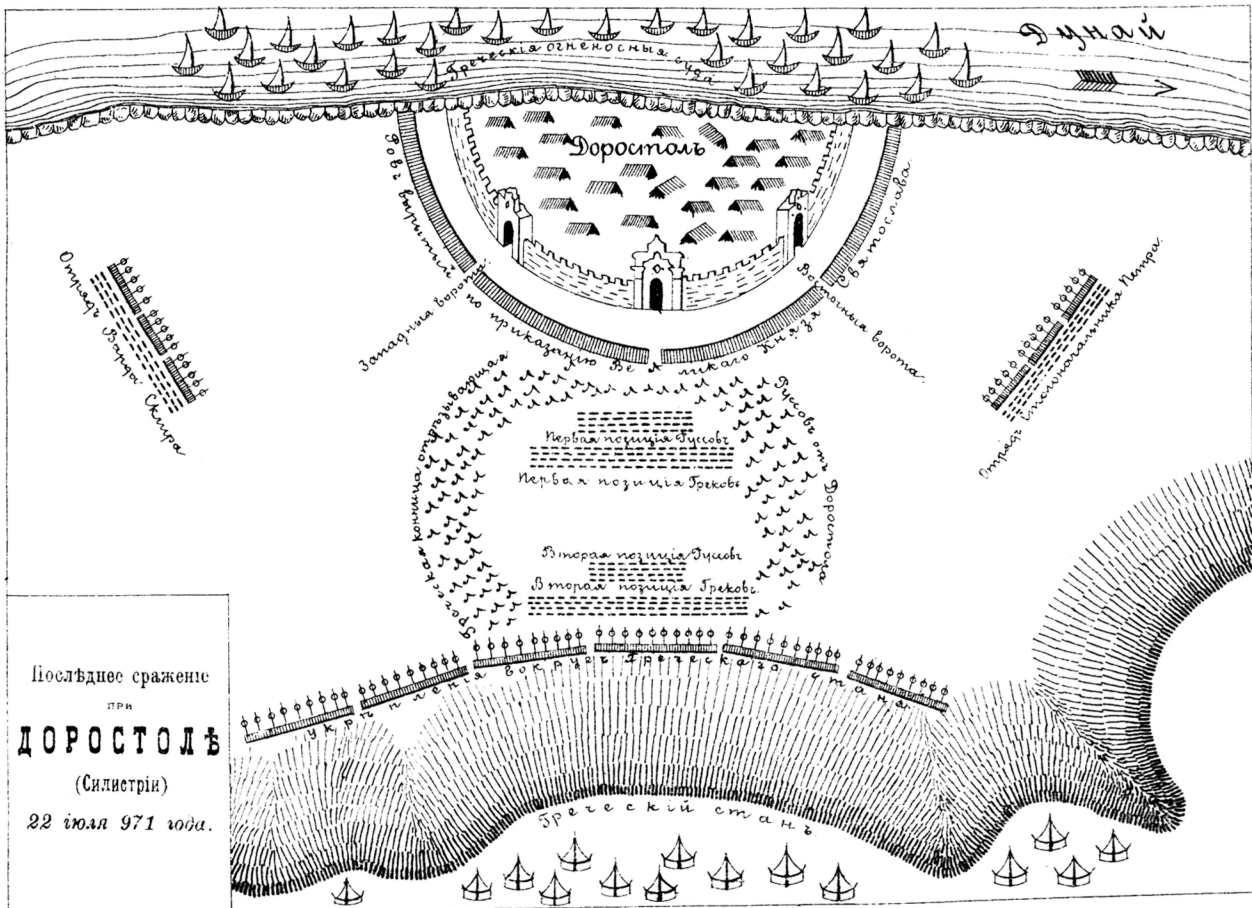
Приведенными условіями положенія Святослава объясняется, почему онъ, всегда первымъ нападавшимъ на врага, на этотъ разъ не выступилъ даже на встрѣчу Цимисхію. Съ его стороны это было даже весьма благоразумно, такъ какъ со своими слабыми силами *) и безъ конницы, онъ легко могъ быть окруженъ и отрѣзанъ отъ Доростола превосходною и многочисленною греческою конницею. Между тѣмъ въ Доростолѣ находились всѣ его ладьи, а Дунай былъ для него единственнымъ путемъ отступленія.

23-го апрѣля передовой отрядъ двигавшейся къ Доростолу греческой арміи былъ разбитъ, попавъ въ устроенную руссами засаду. Главныя же силы грековъ, выйдя вслѣдъ затѣмъ на лежавшее передъ Доростоломъ поле, увидали руссовъ (тавроскиноовъ)

---

*) Вѣрить показаніямъ византійцевъ, что у него было по однимъ 330 т., а по другимъ 60 т., повидимому невозможно.

Последнее сражение
 при
ДОРОСТОЛѢ
 (Силистрия)
 22 июля 971 года.

построенными въ боевой порядокъ, въ видѣ твердой стѣны, составленной изъ щитовъ и копій. Императоръ также построилъ свои войска, поставя въ первую линію конницу, а за нею пращниковъ и пѣхоту. Завязавшійся ожесточенный бой отличался чрезвычайнымъ упорствомъ и затянулся до захода солнца. Къ вечеру уже греки повели рѣшительную атаку на лѣвое крыло руссовъ, въ свою очередь также получившихъ подрѣзание, а потому продолжавшихъ удерживаться. Цимисхій вынужденъ былъ собрать здѣсь всю массу своей конницы и, лично ставъ во главѣ ея, повести снова въ атаку. Не имѣющіе конницы, утомленные руссы уже не были въ состояніи отразить натискъ конныхъ латниковъ и съ огромными потерями отступили въ городъ и въ немъ заперлись. Греческая армія расположила свой станъ на высотахъ, окружавшихъ городъ, и на другой день, по приказанію императора, укрѣпила его глубокимъ рвомъ съ валомъ *).

25-го апрѣля Цимисхій попытался, но неудачно, овладѣть городомъ приступовъ. Вечеромъ же руссы отвѣтили на это вылазкою, причемъ, по сказаніямъ византійцевъ, они въ первый разъ попробовали дѣйствовать въ конномъ строю, но, не умѣя управлять

---

*) См. планъ послѣдняго сраженія при Доростолѣ.

лошадьми, были опрокинуты греческою конницею. Въ этотъ же день подошелъ греческій флотъ и расположился на Дунаѣ противъ города, вслѣдствіе чего руссы были окончательно обложены и не смѣли болѣе выходить на своихъ ладьяхъ, боясь греческаго огня.

26-го числа руссы снова сдѣлали вылазку, но уже со всѣми своими силами. Вооруженные длинными, до самыхъ ногъ, щитами и покрытые кольчугами и бронями, руссы выстроились передъ городомъ уже вечеромъ и неожиданно атаковали грековъ. Завязавшійся почной бой длился съ перемѣннымъ успѣхомъ до полудня 27-го числа, когда былъ убитъ Сфенкель, доблестный защитникъ Преславы, послѣ чего руссы отступили.

Въ ночь съ 27-го на 28-е Святославъ приказалъ вырыть глубокой ровъ вокругъ городскихъ стѣнъ и, повидимому, рѣшился обороняться до послѣдней крайности. Цимисхій же приказалъ ограничить дѣйствія однимъ обложеніемъ, надѣясь голодомъ заставить Святослава сдаться. Въ скоромъ времени руссы стали дѣйствительно ощущать недостатокъ въ продовольствіи, добывать которое въ окрестностяхъ было крайне трудно. Вслѣдствіе этого Святославъ, воспользовавшись одною изъ темныхъ и бурныхъ ночей съ сильнымъ дождемъ и грозой, выслалъ на

ладьяхъ двухъ-тысячный отрядъ для прінсканія про- довольствія. Отряду этому удалось не только со- брать большіе запасы, но на обратномъ пути раз- бить еще греческій отрядъ, также производившій фуражировку, и отобрать у него все имъ собранное. Разсерженный Цимисхій принялъ тогда самую стро- гія мѣры, дабы преградить русскимъ всякую воз- можность выходить изъ города. Всѣ дороги и тро- пинки были перекопаны рвами и заняты отдѣль- ными отрядами, а на Дунаѣ флотъ усилилъ свою бди- тельность.

Положеніе осажденныхъ стало весьма затрудни- тельно: къ этому времени, т.-е. къ 28-му іюня, про- шло уже 65 дней осады, сопровождавшейся притомъ почти ежедневными боями. Въ городѣ скопилось мно- жество раненыхъ и наступалъ уже положительный голодъ. Между тѣмъ стѣнобитныя машины грековъ все время дѣйствовали и разрушали стѣны города, а каменометныя орудія причиняли большія потери въ людяхъ.

Съ 29 іюня послѣдовалъ трехнедѣльный перер- ывъ въ дѣйствіяхъ, греки не производили болѣе атакъ, ожидая результатовъ тѣснаго обложенія и дѣйствія своихъ машинъ, осажденные же не выхо- дили изъ города. Уже 19 іюля Святославъ, желая избавиться отъ убійственнаго дѣйствія метательныхъ

машинъ, выслалъ отрядъ, стремительно напавшій на грековъ. При этомъ былъ убитъ магистръ Іоаннъ Куркуасъ, командовавшій отрядомъ, охранявшимъ машины. По блестящему вооруженію и вызолоченному конскому убору онъ былъ привятъ за императора, что значительно ободрило осажденныхъ, на другой же день, 20-го, снова произведшихъ сильную вылазку. Встрѣченные греками, построеными въ клинообразный боевой порядокъ, руссы были опрокинуты, но отступили въ полномъ порядкѣ, „положа щиты на спины“. Между оставленными на полѣ сраженія тѣлами греки нашли много женщинъ въ мужскомъ одѣяніи. Убитъ былъ также старшій по Святославѣ начальникъ, воевода Икморъ, которому, по разсказу лѣтописцевъ, грекъ Анемасъ однимъ ударомъ меча отсѣкъ голову и правую руку. Въ свѣтлую, лунную ночь, наступившую вслѣдъ за боемъ, руссы совершили на полѣ сраженія тризну по павшимъ воинамъ. Тѣла убитыхъ были собраны и сожжены на кострахъ, причемъ умерщвлено было множество плѣнныхъ мушницъ и женщинъ, а въ Дунаѣ топили младенцевъ и пѣтуховъ.

Положеніе Святослава становилось однако безвыходнымъ, на помощь извнѣ невозможно было рассчитывать, а выходы всѣ заперты. Войско Святослава умирало съ голода и чрезвычайно быстро

таяло, а у Цимискія не было ни въ чемъ недостатка; даже во время сраженій за греческими войсками возили вино для подкрѣпленія силъ. Потери грековъ безпрепятственно пополнялись прибывавшими свѣжими войсками и силы ихъ даже возрастали.

21-го Святославъ созвалъ на совѣтъ свою дружину, но повидимому это было имъ сдѣлано не столько для совѣта, сколько для того, чтобы воодушевить дружину къ предстоящему и уже рѣшенному имъ послѣднему бою.

22 іюля утромъ Святославъ вывелъ въ поле всѣхъ способныхъ еще владѣть оружіемъ и приказалъ запереть городскія ворота. Поведенная руссами атака стала было къ полудню увѣнчиваться успѣхомъ, — греки были вынуждены податься назадъ. Цимискій, видя невозможность вблизи стѣнъ города окружить непріятеля и воспользоваться своею конницею, приказалъ продолжать отступленіе до болѣе просторнаго мѣста. Здѣсь, послѣ короткаго перерыва, онъ направилъ часть своихъ силъ подъ начальствомъ Варда Склира въ тылъ руссовъ, чтобы отрѣзать ихъ отъ Доростола, а остальными, подъ начальствомъ Петра и патрікія Романа, атаковалъ съ фронта.

Обѣ стороны дрались отчаянно; Святославъ былъ

раненъ и шиблиенъ съ лошади Анемасомъ, который вслѣдъ затѣмъ самъ былъ убитъ разъяренными руссами. На сторону послѣднихъ снова стала склоняться побѣда, какъ вдругъ внезапно налетѣвшая гроза *) съ вихремъ, неся тучи пыли, ослѣпила войска Святослава. Пораженные неожиданностью, они дрогнули, начали отступать и наткнулись при этомъ на расположившагося въ засадѣ Варда Склира. Опрокинутые имъ и преслѣдуемые окружавшею ихъ со всѣхъ сторонъ конницею, руссы разсѣялись, стараясь пробраться въ городъ. Потери Святослава въ этомъ послѣднемъ бою были очень велики: по словамъ византійцевъ, онѣ простирались даже до 15 тысячъ.

Потерпѣвъ столь рѣшительное пораженіе и не имѣя никакой возможности рассчитывать на успѣхъ впослѣдствіи, Святославъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ Цимисхіемъ, для чего отправилъ уполномоченныхъ въ Деревестръ, гдѣ въ это время находился императоръ. Въ силу заключеннаго договора Святославъ получилъ право возвратиться Дунаемъ въ Россію и войска его были снабжены довольствіемъ отъ грековъ, причемъ ихъ оказалось будто бы 22 тысячи. Послѣ личнаго свиданія съ

---

*) Это показываютъ византійскіе лѣтописцы.

Цимисхиѣмъ, Святославъ двинулся Дунаемъ и моремъ въ Днѣпръ, но здѣсь, у пороговъ, печенѣги, предупрежденные болгарами, преградили ему путь. Не надѣясь одолѣть печенѣговъ со своими слабыми силами, великій князь рѣшился перезимовать въ Бѣлобережѣ (въ устьяхъ Днѣпра) и выждать помощи изъ Россіи.

Эта зимовка въ Бѣлобережьи не помогла однако Святославу; не получивъ ожидаемой помощи, ему все-же таки пришлось пробиваться весною 972 года, но съ еще болѣе слабою дружиною. Большая часть его дружины при этомъ погибла, самъ Святославъ былъ убитъ и только воеводѣ Свѣнелду съ малымъ числомъ воиновъ удалось вернуться въ Кіевъ.

По словамъ Нестора, князь печенѣговъ Куря приказалъ отдѣлать въ серебро черепъ Святослава и употреблялъ его затѣмъ вмѣсто чаши.

Такимъ образомъ попытка Святослава основать царство руссовъ на берегахъ Дуная окончилась неудачею, которая ежели и повліяла на могущество и силы Руси, то не надолго, такъ какъ вскорѣ послѣ этого она была столь же грозна и опасна для Византіи, какъ и прежде. Даже для самой дружины Святослава эта война была далеко не безвыгодна, такъ какъ она возвращалась домой съ честью

и богатою добычей, и ежели бы не печенѣги, то, по понятіямъ того времени, дружина могла бы гордиться результатами похода.

Не касаясь здѣсь того громаднаго значенія въ политическомъ отношеніи, которое имѣла неудача Святослава,—значенія выразившагося въ томъ, что Руси не удалось еще въ X вѣкѣ утвердиться на Дунаѣ и этимъ путемъ войти въ среду европейскихъ государствъ, нельзя не отмѣтить, что и въ военномъ отношеніи болгаро-греческая война Святослава представляетъ значительный интересъ. Тутъ впервые исторія даетъ достаточные матеріалы, чтобы судить о характерѣ дѣйствій и способахъ веденія войны и боя руссами при нашихъ первыхъ князьяхъ.

Вопросъ этотъ подробно разсматривается ниже, здѣсь же укажемъ только, что, по признанію византійскихъ писателей, руссы сражались храбро и отчаянно и давно уже приобрѣли и пользовались славою побѣдителей надо всѣми сосѣдними народами. Продолжительность происходившихъ въ эту войну сраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ 26 и 27 апрѣля, длились около сутокъ, выясняютъ всю стойкость нашихъ предковъ въ бою,—свойство, какъ извѣстно, и до сихъ поръ составляющее отличительную черту нашихъ войскъ. Къ то-

му же положеніе руссовъ было затруднительно еще и вслѣдствіе полного отсутствія у нихъ конницы,— слѣдовательно, условія борьбы съ превосходною тяжелою конницей Цимисхія были невыгодны.

По отношенію къ самому Святославу, представляющемуся суровымъ воиномъ, смѣлымъ и предприимчивымъ предводителемъ, нельзя, какъ кажется, согласиться со строгимъ приговоромъ о немъ одного изъ нашихъ военныхъ писателей *). Онъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ Карломъ XII, но его предпріятіе въ Болгаріи не можетъ быть признано безразсуднымъ. Во всякомъ случаѣ Святославъ является тутъ отнюдь не искателемъ приключеній. Какъ уже указано выше, его походъ въ Болгарію, очевидно, имѣлъ основною цѣлью утвердиться на Дунаѣ, а уже поэтому нельзя отвергать серьезность и чрезвычайную важность преслѣдуемой имъ задачи, какъ для военнаго, такъ и для политическаго и торговаго могущества Россіи. Не мѣшаетъ, казалось бы, при обсужденіи этого вопроса вспомнить пресловутую современную историческую задачу Россіи, въ которой тотъ-же Балканскій полуостровъ и Константинополь являются конечною цѣлью. Не Святославъ ли первый стремился осуществить именно эту же задачу.

---

*) Князь Голицынъ: „Русская военная исторія“. Ч. I, стр. 84.

По отношенію же къ военнымъ дѣйствіямъ, ежели и можно обвинить Святослава, то развѣ въ недостаточной осторожности. Оставленіе незанятыми проходовъ въ Гемскихъ горахъ безспорно составляетъ крупную ошибку, но, какъ видно было выше, есть много основаній предполагать, что она была слѣдствіемъ увѣренности Святослава въ томъ, что войны не будетъ и послѣдняя была для него неожиданною. Зато трехмѣсячная оборона Доростола, и притомъ оборона въ высшей степени дѣятельная (активная), представляется въ полной мѣрѣ доблестною и несомнѣнно служить доказательствомъ далеко недюжинныхъ военныхъ способностей Святослава.

Нельзя также поставить ему въ упрекъ и то, что на обратномъ пути въ Россію онъ не послушалъ, будто бы, *благоразумнаго совѣта* Свѣнelda обойти Днѣпровскіе пороги и печенѣговъ сухимъ путемъ. Совѣтъ этотъ въ сущности былъ не только неблагоразуменъ, но даже безразсуденъ, ежели только принять во вниманіе, что Святославъ располагалъ одною пѣхотой. Предположивъ даже, что ему удалось бы добыть въ безлюдныхъ тогда степяхъ нашего юга достаточное для всей дружины количество лошадей, что разумѣется мало вѣроятно, то и тогда уйти отъ печенѣговъ, составлявшихъ исклю-

чительно превосходную легкую конницу, ему вряд ли удалось бы. Значить, не принимая этого совѣта и оставаясь въ Бѣлобережьи, въ ожиданіи потребованной изъ Россіи помощи, Святославъ былъ совершенно правъ.

Владиміръ I.

Со смертью Святослава на Руси возникаютъ уже междуусобія князей — его сыновей. Завязывается борьба между старшимъ Кіевскимъ княземъ, стремящимся къ единодержавію, и младшими князьями, встающими на защиту своихъ удѣльныхъ правъ. Первоначально борьба велась успѣшно для единодержавія, котораго и достигаютъ, но все же не въ полномъ его смыслѣ, младній сынъ Святослава— Владимиръ I и сынъ послѣдняго Ярославъ I.

Гибель многочисленной русской рати вмѣстѣ со Святославомъ, а еще болѣе междуусобія его сыновей сильно потрясли начавшее возрастать могущество Руси. Часть покоренныхъ племенъ успѣла уже отложиться; сосѣди спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ пограбить Русь и на ея счетъ увеличить свои предѣлы. Надо было вновь покорять отложившіяся племена и усмирять сосѣдей. Это и выполняетъ Владимиръ, почти все княженіе кото-

раго было занято войнами, и притомъ удачными. Но Владиміръ велъ войны не для добычи, а для возстановленія и утвержденія русскаго владычества въ восточной Европѣ и, по отношенію къ росту и развитію Руси, какъ государства, его войны имѣютъ безспорно большое значеніе, а потому заслуживаютъ вниманія. Въ военномъ же собственно отношеніи они не представляютъ чего-либо рѣзко выдающагося по сравненію съ предшествовавшей, подробно описанною эпохою Святослава. Единственною сколько-нибудь существенною особенностью княженія Владиміра I-го въ военномъ отношеніи было то, что, въ первые по крайней мѣрѣ годы, въ рядахъ его войскъ преобладающее значеніе имѣли наемные варяги.

Наемныя дружины варяговъ были необходимы Владиміру, такъ какъ только при ихъ содѣйствіи онъ былъ въ состояніи вести борьбу съ братомъ Ярополкомъ. Когда же Ярополкъ былъ побѣжденъ и Кіевскій престолъ перешелъ въ руки Владиміра, то онъ постарался поскорѣе избавиться отъ буйныхъ, своевольныхъ, чрезвычайно требовательныхъ и дорого стоящихъ варяговъ.

Княженіе Владиміра интересно еще и потому, что при немъ Русь принимала широкое участіе въ дѣлахъ Византіи, но не какъ врагъ, а какъ союз-

никъ, военная помощь котораго выручаетъ имперію изъ бѣды.

Въ краткомъ перечнѣ походы Владиміра представляютъ слѣдующее: въ 981, 982, 983 и 984 годахъ онъ послѣдовательно велъ войны противъ: поляковъ, вятичей, ятвяговъ и радимичей, слѣдствіемъ чего было завоеваніе Галиціи и Червонной Руси и подчиненіе перечисленныхъ племенъ. Въ 985 году Владиміръ предпринялъ походъ противъ волжско-камскихъ болгаръ, а въ 988 году возникла его война съ греками. Но, въ этомъ случаѣ, Владиміръ не предпринялъ, подобно своимъ предшественникамъ, дальняго и рискованнаго похода на Царьградъ, а избралъ болѣе близкую цѣль — греческія колоніи на берегу Чернаго моря, въ Крыму. Войска его направились въ ладьяхъ къ Корсуню, высадившись въ окрестностяхъ котораго, расположились сначала въ разстояніи полета стрѣлы. Получивъ на требованіе сдачи города рѣшительный отказъ, Владиміръ приказалъ приступить къ стѣнамъ и дѣлать примѣтъ. Осадныя работы подвигались однако весьма медленно, какъ говоритъ лѣтописецъ, потому будто бы, что граждане Корсуни подрывли ходъ подъ стѣною и уносили въ городъ землю, присыпаемую русскими къ стѣнамъ. Наконецъ измѣна помогла великому князю овладѣть городомъ. Ему было сооб-

щено о возможности отнять у города воду, получавшуюся по водопроводу. Исполнивъ этотъ совѣтъ, Владиміръ дѣйствительно вскорѣ принудилъ городъ къ сдачѣ.

Осада и взятіе Корсуня, въ военномъ отношеніи не имѣющія существеннаго значенія, не лишены его по своимъ послѣдствіямъ.

Какъ извѣстно, Владиміръ по взятіи Корсуня принялъ крещеніе и женился на Аннѣ—сестрѣ императоровъ византійскихъ Василя II и Константина Багрянородныхъ. Въ это время (988 годъ), положеніе Византіи было критическое: возмущеніе Варды Фоки было въ полномъ разгарѣ и справиться съ нимъ было трудно. Война съ Русью и паденіе Корсуня, разумѣется, еще болѣе ухудшали положеніе имперіи, надо было во что бы то ни стало не только избавиться отъ одного изъ враговъ, но еще и получить помощь для борьбы съ другимъ. Понятно, надо было прежде всего заключить миръ съ Владиміромъ и выговорить отъ него военную помощь. Необходимостью послѣдняго и объясняется рѣшеніе императоровъ выдать свою сестру за русскаго князя, чего безъ крайней нужды гордые византійцы никогда не сдѣлали бы. Дѣйствительно, Владиміръ, заключая миръ, не только возвратилъ Корсунь, но и выслалъ

императорамъ, по словамъ Михаила Пселла*), значительный отрядъ. Къ этому времени одинъ изъ отрядовъ Варды, подъ начальствомъ Дельфина, расположился лагеремъ уже у Хрисополя (теперешній Скутари), слѣдовательно въ виду Константинополя. Тогда, по сказаніямъ византійскихъ лѣтописцевъ, „Василій II приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ русь, такъ какъ онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ Владиміромъ черезъ сестру свою Анну, получилъ отсюда вспомогательный отрядъ. Переправившись съ ними, онъ неожиданно напалъ на враговъ и легко захватилъ въ свои руки“. Съ тѣми же руссами Василій II разбилъ вслѣдъ затѣмъ и самого Варда Фоку при Абидосѣ.

Существованіе въ Византійской имперіи, какъ въ это время, такъ и позже, русскаго вспомогательнаго отряда подтверждается и армянскими историками*). Говоря о походѣ того же Василія II (Болгаробойцы) въ 1000 году въ Арменію, они описываютъ торжественный приѣмъ, устроенный императоромъ царямъ: абхазскому—Багарату и иверійскому (грузинскому)—Гургену. Тотчасъ послѣ этого приѣма изъ-за совершенно пустой причины, а именно отнятой связи

---

*) Византійскій писатель первыхъ годовъ XI столѣтія.

*) Патріархъ армянскій Стеваносъ Торонскій Асохикъ.

сѣна, произошла серьезнѣйшая схватка между грузинами и находившимися въ греческомъ лагерѣ рузами. „Рузовъ было 6.000 человекъ цѣпныхъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ Василій у царя рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же время рузы увѣровали въ Христа“.

Приведенныя слова лѣтописца не оставляютъ понятна никакого сомнѣнія въ томъ, что его рузы были посланные Владиміромъ русскіе, составляющіе дѣйствительно сильный отрядъ.

Въ послѣдующіе годы русскіе также упоминаются въ рядахъ греческой арміи и притомъ численность ихъ такова, что въ 1016 году, въ походѣ на болгаръ, Василій II Болгаробойца, захвативъ значительную добычу, раздѣлилъ ее на три части и одну изъ нихъ, т.-е. цѣлую треть, отдалъ союзной Руси.

Съ принятіемъ христіанства и крещеніемъ Руси, т.-е. во второй половинѣ княженія Владиміра, прекратились войны съ западными державами, но далеко еще не прекратилась его военная, боевая дѣятельность. Ему пришлось до послѣднихъ дней вести упорную и трудную борьбу съ печенѣгами, набѣги которыхъ не давали покоя всему югу Россіи. Владиміръ предпринималъ противъ печенѣговъ цѣлый

рядъ походовъ, изъ числа которыхъ наши лѣтописи отмѣчаютъ нѣкоторыя, обставляя ихъ прикрасами собственнаго, а можетъ-быть и народнаго воображенія. Такъ, описаніе встрѣчи Владиміра въ 992 году съ печенѣгами на Трубежѣ, около Переяслава, сопровождается разсказомъ о единоборствѣ печенѣжскаго великана съ русскимъ юношей Яномъ Усмошецомъ, побѣдившимъ своего противника. Въ другой разъ—подъ Васильевымъ, Владиміръ былъ разбитъ идолицемъ поганымъ, какъ тогда называли печенѣговъ, и скрылся подъ мостомъ, давъ обѣтъ выстроить церковь, ежели ему удастся спастись.

Борьба съ печенѣгами имѣла однако и серьезныя въ военномъ отношеніи послѣдствія, именно — она выпудила Владиміра принять мѣры для прегражденія имъ доступовъ въ Россію устройствомъ ряда укрѣпленныхъ пунктовъ. Въ виду этого онъ строитъ новые города по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, а также поправляетъ и укрѣпляетъ старыя. Въ эти города Владиміръ посадилъ *лучшихъ мужей*, собирая ихъ изъ славянъ, т.-е.—повгородцевъ, кривичей и вятичей. Съ цѣлью наблюденія за кочевниками и своевременнаго извѣщенія о ихъ набѣгахъ, стали пользоваться также, какъ сторожевыми пунктами, безчисленными курганами, разсѣянными въ нашихъ южныхъ степяхъ. Новые по-

граничные городки и сторожевые курганы были связаны между собою валомъ и частоколомъ. Такимъ образомъ впервые образуется непрерывная укрѣпленная линія, защищавшая, хотя далеко не въ достаточной мѣрѣ, предѣлы Руси отъ набѣговъ хищниковъ.

Ярославъ I.

При сынѣ Владиміра I—Ярославѣ I, занявшемъ Кіевскій столъ подобно отцу послѣ борьбы съ братомъ Святополкомъ, варяги снова получаютъ значеніе въ рядахъ его вооруженныхъ силъ. Призваны были варяги Ярославомъ еще при жизни Владиміра, когда послѣдній, разсерженный отказомъ сына уплачивать дань, сталъ готовиться къ войнѣ. Призвано ихъ было, вѣроятно, значительное число, такъ какъ, несмотря на послѣдовавшее затѣмъ избиеніе варяговъ новгородцами, выведенными изъ терпѣнія ихъ своеволіемъ и безчинствами, Ярославъ сохраняетъ затѣмъ возможность вести войну со Святополкомъ, имѣя 1.000 человекъ варяговъ и до 40.000 новгородцевъ. Значеніе варяговъ при Ярославѣ объясняется къ тому же и тѣмъ, что онъ былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олава Скѣткокунга. Женичина умная и гордая, она имѣла большое вліяніе на мужа и пріѣхала въ Россію

въ сопровожденіи многихъ варяговъ, изъ которыхъ одному, родственнику своему, Ярлу Рагнвальду, отдала даже городъ Ладогу, полученный ею въ вѣно отъ Ярослава.

Причиною войны Ярослава противъ старшаго брата Святополка (окаяннаго), было измѣнническое убіеніе послѣднимъ трехъ своихъ и Владиміровыхъ братьевъ, Бориса, Глѣба и Святослава. Опасаясь подобной же участи, Ярославъ пошелъ противъ Святополка и его союзника короля польскаго Болеслава Храбраго. Трехлѣтняя борьба ихъ велась съ перемѣннымъ успѣхомъ: въ 1016 году Ярославъ разбилъ Святополка при Любечѣ, занялъ Кіевъ и велико-княжескій столъ; въ 1018 году—самъ былъ разбитъ на Бугѣ и, потерявъ Кіевъ, бѣжалъ въ Новгородъ, наконецъ, въ 1019 году онъ снова нанесъ Святополку страшное пораженіе при Альтѣ и послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти Святополка окончательно овладѣлъ велико-княжескимъ столомъ.

Ярославу пришлось однако вслѣдъ затѣмъ вести трудную борьбу еще и съ другимъ своимъ братомъ—Мстиславомъ Чернымъ, княземъ Тмутараканскимъ. Мстиславъ былъ истиннымъ княземъ-богатыремъ, героемъ многихъ чудесныхъ о немъ разказовъ и во многомъ напоминалъ своего дѣда Святослава I. Прославленный своими войнами противъ касоговъ

и козарь (кавказскіе и таврическіе народы), онъ послужилъ предметомъ записанной въ лѣтописяхъ легенды о его единоборствѣ съ касожскимъ княземъ Редедею, котораго ему удалось побѣдить.

Въ 1024 году войска Ярослава и Мстислава встрѣтились недалеко отъ Чернигова, у мѣстечка Листвена. Мстиславъ съ вечера еще построилъ свои войска въ боевой порядокъ, поставивъ сѣверянъ въ челѣ (серединѣ), а дружину свою по крыльямъ. Въ наступившую затѣмъ темную, бурную, съ грозою ночь Мстиславъ напалъ на Ярослава. Первую атаку повели сѣверяне противъ Ярославовыхъ варяговъ, а вслѣдъ затѣмъ и лично Мстиславъ вступилъ въ бой со своею дружиною. Ярославъ былъ разбитъ и бѣжалъ, но, по заключенному послѣ этого договору, сохранилъ за собою всѣ земли по правую сторону Днѣпра и велико-княжескій престолъ, а Мстиславу отдалъ волости по лѣвому берегу.

При Ярославі продолжалось увеличеніе предѣловъ Руси главнымъ образомъ въ сѣверномъ направленіи. Здѣсь были покорены финскія племена чудь и ямь и основанъ городъ Юрьевъ (теперь Дерпт).

Въ 1026 году послѣдовалъ послѣдній набѣгъ печенѣговъ, которые, пользуясь отсутствіемъ Ярослава, дошли до самаго Кіева, но здѣсь были разбиты на голову подоспѣвшимъ Ярославомъ. Съ этихъ

поръ въ исторіи уже нѣтъ болѣе свѣдѣній о печенѣгахъ, которые, какъ извѣстно, были покорены и большею частью уничтожены половцами.

Завязавшіяся при Владимірѣ I мирныя и даже союзныя отношенія къ Византіи были снова нарушены въ 1043 году, когда между Ярославомъ и императоромъ Константиномъ Мономахомъ возникли неудовольствія. Причиною ихъ была медленность, обнаруженная императоромъ въ исполненіи требованія Ярослава объ удовлетвореніи за убитаго въ Царьградѣ знатнаго русскаго.

Разсерженный Ярославъ собралъ многочисленную рать, по византійскимъ источникамъ до 100.000, посадилъ ее на ладьи одnodеревки и отправилъ къ Царьграду, подъ начальствомъ своего старшаго сына Владиміра; главнымъ воеводою при немъ былъ назначенъ Вышата.

Узнавъ о походѣ руссовъ, Константинъ Мономахъ тотчасъ отправилъ пословъ, предлагая миръ и полное удовлетвореніе за обиды, но Ярославъ, какъ говорятъ византійцы, прогналъ пословъ съ безчестіемъ и далъ гордый и презрительный отвѣтъ. Императоръ сталъ готовиться къ войнѣ; вооружилъ флотъ и выдвинулъ его къ маяку Искресту или Фару, куда берегомъ должно было двинуться и сухопутное войско.

Между тѣмъ, дойдя до Дуная, Владиміръ колебался принять какое-либо рѣшеніе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Многіе предлагали ему высадиться тутъ и дѣйствовать далѣе уже сухимъ путемъ, но варяги убѣдили его продолжать движеніе моремъ къ Царьграду. У маяка встрѣтились флоты враждебныхъ сторонъ, но русскіе не начинали боя, удобно расположившись въ гавани, а греки тоже ожидали нападенія.

Здѣсь императоръ снова предложилъ Владиміру миръ, на что послѣдній отвѣчалъ, что не иначе прекратитъ войну, какъ получивъ по 3 литра (фунта) золота на каждаго русскаго воина, т.-е. 216 золотыхъ. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ потребовалъ по 1.000 статировъ (золотыхъ) на каждую ладью. Не находя возможнымъ исполнить эти неимовѣрныя требованія, императоръ сталъ готовиться къ бою.

Михаилъ Пселлъ, современникъ описываемыхъ событій и очевидецъ происшедшаго боя, такъ какъ, будучи высокопоставленнымъ сановникомъ, онъ находился въ это время въ свитѣ императора, слѣдующимъ образомъ рассказываетъ ходъ сраженія: „императоръ приготовилъ нѣсколько *триръ* (триремь): посадилъ на нихъ боевыхъ людей, снабдилъ корабли большимъ количествомъ влажнаго огня, выстроилъ ихъ супротивъ варварскихъ лодокъ, стоявшихъ

при гавани, на другой сторонѣ, и самъ, имѣя съ собою нѣкоторую избранную часть сипклита, ночью остановился якоремъ въ той же самой гавани нѣсколько выше, и такимъ образомъ ясно предвозвѣстивъ варварамъ морскую войну, вмѣстѣ съ наступленіемъ утра построилъ корабли въ боевой порядокъ. Варвары съ своей стороны, снявшись, какъ будто изъ лагеря и окоца, отъ противоположныхъ намъ пристаней, и выйдя на довольно значительное пространство въ открытое море, поставивъ потомъ всѣ свои корабли по одному въ рядъ и этою цѣлью перехвативъ все море отъ однихъ пристаней до другихъ, построились такъ, чтобы или самимъ напасть на насъ, или принять наше нападеніе. Не было человѣка, который, смотря на происходящее тогда, не смутился бы сильно душою; я самъ стоялъ тогда подлѣ императора,—а онъ сидѣлъ на одномъ холмѣ, слегка покатою къ морю,—и былъ зрителемъ совершающагося, не будучи самъ видимъ.

„Итакъ, расположеніе съ той и другой стороны имѣло вышеуказанный видъ; однако никто не двигался впередъ съ цѣлью битвы, но съ той и другой стороны оба (морскіе) лагеря, сплотившись, стояли неподвижно. Когда прошло много дня, тогда императоръ, подавъ знакъ двумъ изъ большихъ кораблей, приказалъ понемногу двигаться впередъ противъ

варварскихъ ладей. Когда они ровно и стройно вышли впередъ, то сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крикъ, а метатели огня построились въ порядкѣ, удобномъ для бросанія его: тогда бѣльшая часть изъ непріятельскихъ лодокъ, высланныхъ (на встрѣчу), быстро гребя, устремилась на наши корабли, а потомъ, раздѣлившись, окруживъ и (какъ бы) опоясавъ каждую изъ отдѣльныхъ тріиръ, старались пробить ихъ снизу балками, а другіе (т. е. греки) бросали сверху камнями и веслами. Когда же противъ нихъ (т. е. русскихъ) огонь началъ быть метаемъ, и въ глазахъ ихъ потемнѣло, то одни изъ нихъ стали кидаться въ море, какъ бы желая приплыть къ своимъ, а другіе совсѣмъ не знали что дѣлать и въ отчаяніи отказались отъ всякаго средства (къ спасенію). Затѣмъ поданъ былъ второй сигналъ, и уже бѣльшее число тріиръ двинулось вверхъ, за ними корабли, или слѣдуя сзади, или плывя рядомъ; наша сторона ободрилась, а противная (неподвижно) стояла, пораженная страхомъ. Когда же, разрѣзая воду, тріиры очутились подлѣ самыхъ непріятельскихъ лодокъ, то связь ихъ (последнихъ) была разорвана, строй рушился, и однѣ изъ нихъ осмѣлились остаться на мѣстѣ, а бѣльшая часть повернули назадъ. Между тѣмъ солнце, уже высоко поднявшись надъ горизон-

томъ, стянуло къ себѣ густое облако снизу и измѣнило погоду; сильный вѣтеръ двинулся съ востока на западъ; взмутьивъ море вихремъ, онъ устремилъ волны на варвара и потопилъ одни изъ его лодокъ тутъ же, такъ какъ море поднялось въ середину имъ, а другія, загнавъ далеко въ море, разбросалъ по скаламъ и утесистымъ берегамъ; однѣ изъ нихъ были настигнуты тріирами, которыя и предали ихъ пучинѣ со всѣмъ экипажемъ, а другія, будучи разсѣчены пополамъ военными людьми на нихъ, были вытянуты на ближайшіе берега. Произошло большое избіеніе варваровъ, и море было окрашено по-истинѣ убійственнымъ потокомъ, какъ бы идущимъ сверху изъ рѣкъ“.

По дальнѣйшему разсказу греки будто бы собрали на берегу до 15.000 выброшенныхъ бурей русскихъ труповъ. Ладья Владиміра была также разбита бурей, самъ онъ едва не погибъ и его спасъ воевода Иванъ Творимиричъ, принявшій его на свою ладью.

Съ разбитаго бурей флота на берегу собралось до 6.000 человекъ, положеніе которыхъ было, разумѣется, критическимъ. Многіе были совершенно наги, средствъ довольствія—никакихъ и начальства не было, такъ какъ изъ дружины Владиміра никто не хотѣлъ съ ними идти. Тогда воевода Вышата, сказавъ князю при прощаніи: „Не пойду къ Ярославу,—

я пойду съ ними! Если живъ буду, то съ ними, если погибну, то съ дружиною“,—высадился на берегъ и повелъ эту толпу сухимъ путемъ къ Дунаю. Другая часть русскихъ войскъ отступила изъ сраженія и двинулась назадъ въ Россію на уцѣлѣвшихъ ладьяхъ, тутъ же находился и Владиміръ. Для преслѣдованія этой части руссовъ императоръ выслалъ 24 корабля, которые были однако окружены русскими и всѣ уничтожены.

Двигавшаяся берегомъ рать Вышаты дошла только до Варны. Встрѣченная здѣсь превосходными силами грековъ, она была разбита и разсыяна, 800 же челоуѣкъ и самъ Вышата были взяты въ плѣнъ и отведены въ Царьградъ, гдѣ большинство изъ нихъ было ослѣплено. Черезъ три года, уже по заключеніи мира, плѣнные были обоюдно возвращены и мирный договоръ былъ закрѣпленъ жепитьбою любимаго сына Ярославова, Всеволода, на греческой царевнѣ.

Описаніе этого похода на Царьградъ приведено здѣсь въ такой подробности въ виду того, что имъ какъ нельзя лучше обрисовывается характеръ морскаго боя того времени, и къ тому же выясняется достигнутое Русью при Ярославѣ 1-мъ военное и политическое могущество.

Изо всего изложеннаго явствуется, насколько

опаснымъ для Византіи является враждебное положеніе къ ней русскаго великаго князя. Устранить опасность столкновения греки стараются всякими уступками, не обращая вниманія на наносимыя имъ оскорбленія. Не успѣвъ отклонить надвигавшуюся грозу, грекамъ удалось въ концѣ концовъ выйти изъ критическаго положенія только благодаря счастливому для нихъ вмѣшательству стихій. Изъ приведеннаго разсказа Михаила Пселла, исключивъ изъ него неизбѣжныя для византійца риторическія прикрасы, пораженіе русскаго флота объясняется преимущественно наступившею бурей, представлявшею для беспалубныхъ русскихъ ладей крайнюю опасность. Даже въ этихъ невыгодныхъ для Руси обстоятельствахъ пораженіе было въ сущности далеко не полное, такъ какъ помимо собравшагося на берегу 6.000 отряда, Владиміръ и на морѣ сохранилъ силы, достаточныя для того, чтобы уничтожить преслѣдующій его флотъ изъ 24 кораблей.

На войны Владиміра 1-го и въ особенности Ярослава 1-го здѣсь обращено столько вниманія въ виду того, что въ нашей единственной отечественной военной исторіи князя Голицына имъ не только не отведено подобающаго мѣста, но даже ничего въ сущности не говорится. Между тѣмъ именно эти два княженія по многимъ причинамъ пред-

ставляютъ наиболѣе интереса для изученія военнаго дѣла и искусства въ древней Руси. Въ это именно время Русь является государствомъ, достигшимъ наибольшаго могущества, силы и международнаго значенія за весь разсматриваемый до-Монгольскій періодъ ея исторіи. Въ ряду же причинъ, обуславливающихъ это могущество Руси, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ военная—боевая—дѣятельность какъ предшественниковъ Владиміра и Ярослава, такъ еще болѣе ихъ самихъ. Цѣлымъ рядомъ удачныхъ войнъ эти два славные князя достигаютъ объединенія Руси въ предѣлахъ столь обширныхъ границъ, которыхъ затѣмъ она не имѣла болѣе въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, т. е. до Іоанна Грознаго. Сильная внутри Русь пользуется соотвѣтственно значительнымъ и вѣншимъ, международнымъ значеніемъ, что лучше всего доказывается стараніями ея сосѣдей заручиться союзами съ нею. Свидѣтельствуется это значеніе также и тѣми многочисленными браками, которые были заключены между членами Ярославовой семьи и многими коронованными лицами тогдашней Европы. Ярославъ, какъ мы видѣли, былъ женатъ на Ингигердѣ—дочери шведскаго короля Олафа, сестра его Марія была за королемъ польскимъ Казиміромъ, а сестра послѣдняго—за сыномъ Ярослава Изясла-

вомъ. Дочь Ярослава Елизавета была замужемъ за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ Смѣлымъ (Гардратомъ), другая дочь—Анна—за французскимъ королемъ Генрихомъ I-мъ и, наконецъ, третья—Анастасія—за венгерскимъ королемъ Андреемъ I-мъ. Сынъ же Ярослава, Всеволодъ, былъ женатъ на дочери византійскаго императора Константина Мономаха.

Удѣльный періодъ, его значеніе въ военной исторіи Россіи.—Владиміръ Мономахъ.

Со смертью Ярослава, дожившаго до глубокой старости,—онъ умеръ въ февралѣ 1054 года, 76 лѣтъ отъ роду,—кончается блестящій періодъ исторіи древней Россіи. Соединявшій въ своихъ рукахъ власть надъ всею Русью, Ярославъ, еще при жизни, роздалъ земли своимъ сыновьямъ въ удѣлы и тѣмъ надолго положилъ конецъ единой державѣ, съ такимъ трудомъ установленному Владиміромъ и имъ самимъ. Послѣ Ярослава внутренній миръ продолжался на Руси весьма недолго,—начались безконечныя междоусобія его наслѣдниковъ и потомковъ. Настала печальный удѣльный періодъ, и въ военномъ отношеніи имѣющій существенное значеніе. Раздробленная, обезсиленная Русь перестаетъ уже

быть грозною для сосѣдей военною державой и сама становится легкою добычей какъ южныхъ и восточныхъ кочевыхъ народовъ, такъ и западныхъ государствъ. И тѣ, и другіе являлись или дѣятельными участниками въ междуусобіяхъ князей, обыкновенно по призыву кого-либо изъ нихъ, или же пользовались выгодными обстоятельствами для опустошительныхъ набѣговъ на предѣлы Руси.

Почти въ 200-лѣтній періодъ разсмотрѣннаго выше первоначальнаго существованія Русскаго государства можно ясно прослѣдить и отмѣтить значительность достигнутыхъ въ военномъ отношеніи успѣховъ. Отъ полудикаго состоянія общественнаго и государственнаго строя и полудикихъ же способъ веденія войны славянами, какъ ихъ описывалъ императоръ Маврикій, Русь чрезвычайно быстро переходитъ къ сравнительно правильно организованной системѣ вооруженныхъ силъ. Результаты таковы, что она получила уже возможность успѣшно бороться съ могущественными сосѣдями, выдерживая при этомъ борьбу противъ регулярныхъ, хорошо обученныхъ и дисциплинированныхъ армій, которымъ приходится употреблять крайнія усилія, чтобъ одержать побѣду надъ русскою ратью, и уже не въ лѣсахъ и болотахъ, а въ полѣ, въ правильномъ сраженіи.

Но съ наступленіемъ удѣльнаго періода пріостанавливается въ Россіи развитіе военнаго дѣла и искусства, и ко времени нашествія монголовъ, то есть почти черезъ два же вѣка, Россія въ военномъ отношеніи находилась въ совершенно томъ же положеніи, въ которомъ она была при Владимірѣ I и Ярославѣ I.

Въ виду, именно, указаннаго совершеннаго застоя, весь періодъ русской исторіи отъ Ярослава до нашествия монголовъ хотя и представляетъ непрерывную войну или лучше войны, но въ военномъ отношеніи, то-есть въ смыслѣ изслѣдованія военнаго дѣла и искусства, лишень всякаго интереса. Способы веденія войны, характеръ дѣйствій наступательныхъ и оборонительныхъ, формы строя и боевыхъ порядковъ, дѣйствія въ полѣ и въ бою, организація вооруженныхъ силъ—все это остается неизмѣннымъ или, по крайней мѣрѣ, не замѣчается сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ. Весь этотъ безконечный рядъ войнъ представляетъ интересъ въ сущности лишь настолько, насколько та или другая изъ нихъ вліяла на существованіе Руси, какъ самостоятельнаго государства. Слѣдовательно, эти войны имѣютъ исключительно политическій интересъ и, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Въ это печальное время Руси приходилось упорно отстаивать свою независимость отъ покушеній сильныхъ и, притомъ, жадныхъ сосѣдей. Эта необходимость борьбы съ внѣшними врагами вынуждала иногда князей прекращать междуусобія и, изъ враговъ становясь союзниками, общими силами отражать угрожающую Руси опасность, или даже предпринимать вторженія въ непріятельскіе предѣлы. Въ этихъ случаяхъ нерѣдко снова сказывалась мощь и доблесть русскаго воинства временъ Святослава, Владиміра и Ярослава, особенно ежели во главѣ князей и ихъ союзныхъ силъ становилась выдающаяся по своимъ способностямъ личность. Таковою въ особенности былъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, внукъ Ярослава, пятидесятилѣтняя громадная военная дѣятельность котораго, вся посвященная Руси, не можетъ, попятно, быть выпущена при ознакомленіи съ вопросомъ о развитіи военной силы и могущества нашего отечества.

Большая часть боевой дѣятельности Владиміра Мономаха проходитъ, однако, еще до занятія имъ старшаго, Кіевскаго, стола, т.-е. когда онъ еще не былъ великимъ княземъ. Несмотря на это, онъ почти безъ исключенія является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и ему обыкновенно были обязаны одерживае-

мыми успѣхами. Насколько же искуснымъ, опытнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливымъ полководцемъ былъ Владиміръ Мономахъ, можно судить по тому, что за все время его военной дѣятельности онъ былъ всего одинъ разъ разбитъ въ бою. А насколько велика была его военная дѣятельность, свидѣтельствуетъ то, что, по его собственнымъ словамъ, „всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ не упомяну; съ половцами заключалъ миръ 19 разъ; до сотни князей ихъ отпустилъ на свободу, а болѣе двухсотъ изрубилъ и потопилъ“.

Важнѣйшими походами Владиміра Мономаха были слѣдующіе:

Въ 1076 г.—въ Силезію, на помощь Болеславу Кривоустому, противъ чеховъ; въ 1078 г.—въ Полоцкую и Черниговскую области; въ 1079 г.—снова въ Полоцкое княжество; съ 1080 по 1092 г.—походы противъ торковъ, вятичей и нѣсколько разъ противъ половцевъ; въ 1093 г.—единственный неудачный походъ противъ половцевъ: здѣсь великій князь Святополкъ II, а съ нимъ и Владиміръ Мономахъ—были разбиты у Триполя; въ 1095 и 1097 гг.—два похода противъ половцевъ; въ 1098 г.—противъ Святополка; съ 1103 по 1111 годъ—ежегодные походы на половцевъ.

Въ 1113 году *), послѣ смерти Святополка II, Владиміръ Мономахъ занялъ великокняжескій престолъ, послѣ чего лично болѣе не ходилъ въ походы, а посылалъ своихъ сыновей.

Изъ перечисленныхъ походовъ Мономаха наиболее интересны предпринимавшіеся въ 1103 **) и 1111 годахъ противъ половцевъ, вслѣдствіе чего они и приводятся здѣсь въ нѣсколько болѣе подробности.

Въ 1095 и 1096 годахъ половцами было произведено два опустошительныхъ набѣга на Русь, причемъ въ послѣднемъ они дошли до Кіева, совершенно опустошили его окрестности, сожгли княжескій загородный дворецъ въ Берестовѣ и разграбили Печерскую Лавру. Особенною жестокостью отличались при этомъ половецкіе ханы Бонякъ и Куря; въ набѣгахъ принималъ участіе даже тестъ великаго князя ханъ Тугорканъ, на дочери котораго былъ женатъ Святополкъ II.

30-го августа 1100 года на съѣздѣ князей въ Витичевѣ рѣшено было прекратить старыя усобицы, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ 1101 году русскіе

---

*) У Голицына годъ смерти Святополка показанъ невѣрно—въ 1112 году.

**) Этотъ походъ у Голицына также невѣрно отнесенъ на 1101 годъ.

князя получили возможность не только обороняться отъ половцевъ, но и самимъ идти на нихъ.

Для обсуждения вопроса объ этомъ походѣ князя собрались на р. Золотчѣ, но походъ не состоялся, такъ какъ половцы, провѣдавъ о собирающейся на нихъ грозѣ, успѣшили заключить миръ.

Владиміръ не оставлялъ, однако, мысли о походѣ на поганыхъ и въ 1103 году настойчиво убѣждалъ Святополка идти на шелудивыхъ хищниковъ. Великокняжеская дружина была противъ похода, говоря: „не хорошо нынѣ весною итти въ походъ, мы поморимъ лошадей, а смерды лишатся нами пашни“. Рѣшено было съѣхаться князьямъ съ дружинами въ Долобскѣ и здѣсь обсудить дѣло. Владиміру удалось убѣдить остальныхъ въ томъ, что, жалѣя поселянъ и ихъ лошадей, они не думаютъ, „что станетъ поселянинъ весною пахать, и пріѣдетъ половчинъ, ударить его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ...“. Согласившись съ Владиміромъ идти на половцевъ, союзныя силы князей подъ предводительствомъ Мономаха двинулись: пѣхота—на ладьяхъ по Днѣпру, а конница—берегомъ. Пройдя пороги—у Хортицкаго острова, пѣхота вышла на берегъ и вся рать двинулась въ степи половецкія, кочевьевъ которыхъ достигла послѣ четырехдневнаго похода.

Половцы, не послушавшіеся благоразумнаго совѣта стараго хана Урусоба—просить мира у руссовъ, рѣшились защищаться. Впередъ, въ сторожахъ, ими былъ высланъ Алтунопа, который, столкнувшись съ русскимъ передовымъ же отрядомъ, былъ совершенно разбитъ и самъ убитъ. Ободренные этимъ успѣхомъ, русскіе 4-го апрѣля атаковали и главныя силы половцевъ, не выдержавшихъ стремительнаго нападенія и обратившихся въ бѣгство. Пораженіе это было настоящимъ погромомъ: до 20 хановъ было убито, одинъ ханъ—Бельдюзь—былъ взятъ въ плѣнъ и изрубленъ по приказанію Владиміра. Громадная добыча плѣнниками, конями и другимъ скотомъ попала въ руки русскихъ войскъ.

Этотъ погромъ все же таки не прекратилъ набѣговъ варваровъ. Въ 1106 и 1107 годахъ старый ханъ Шураганъ, а главное—страшный Бонякъ снова разграбили наши пограничныя области. Но въ послѣднемъ случаѣ набѣгъ кончился для половцевъ полною неудачей. Бонякъ съ награбленною добычей расположился на отдыхъ около Лубенъ, на рѣкѣ Сулѣ, но здѣсь былъ совершенно неожиданно атакованъ Владиміромъ съ другими князьями. Нападеніе было настолько внезапно, что половцы не успѣли даже поставить стяга, т.-е. построиться въ боевой порядокъ, и кто верхомъ, а кто и пѣшкомъ—

бѣжали. Весь станъ непріятельскій былъ захваченъ русскими.

Въ 1111 году, опять-таки по уговору Владиміра Мономаха, князья предприняли общими силами большой походъ, но на этотъ разъ довели его до самаго Дона, т.-е. въ середину половецкихъ вежей (ставокъ).

Дабы избѣжать знойныхъ жаровъ лѣта нашихъ южныхъ степей, князья выступили очень рано, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, и до Хороля шли зимнимъ путемъ. Бросивъ здѣсь сани, союзныя войска соединились къ 6 марта на р. Голтвѣ, откуда двинулись далѣе къ Пселлу, Ворсклѣ, Донцу и 19 марта прибыли къ Дону. Здѣсь находились важнѣйшія постоянныя становища (зимовники) половецкихъ хановъ. Надѣвши здѣсь брони, выстроивъ полки и имѣя во главѣ ихъ, по приказанію Владиміра, священниковъ, русскіе двинулись прежде всего на становище хана Шурагана. Оно не было, однако, разорено, такъ какъ жители встрѣтили русскихъ съ дарами и покорностью. Но слѣдующее становище хана Сугра было разграблено и все выжжено.

24-го марта собравшіеся массы половецвъ потерпѣли первое пораженіе въ полѣ, но черезъ два дня, 27-го, въ страстной понедѣльникъ произошло другое столкновеніе съ главными силами половецвъ,

на берегахъ р. Сала. Несмотря на громадное превосходство въ силахъ половцевъ, окружившихъ русскихъ, послѣдніе одержали блистательную побѣду, и ею были обязаны, главнымъ образомъ, стремительной атакѣ, въ рѣшительную минуту, Владиміра Мономаха съ его дружиною.

Общимъ результатомъ означенной боевой дѣятельности Владиміра Мономаха было обезпеченіе предѣловъ Руси отъ всякихъ враговъ настолько, что, вступивъ въ 1113 году на велико-княжескій престоль, онъ болѣе не принимаетъ личнаго участія въ послѣдующихъ войнахъ.

Ко времени Владиміра Мономаха относится также и послѣднее столкновение Руси съ греками. Причиною его было желаніе Владиміра заступиться за право его внука, Василя Діогена на византійскій престоль. Для указанной цѣли Мономахъ дважды посылалъ свои войска на Дунай: первый разъ—подъ начальствомъ воеводы Ивана Вышаты, который овладѣлъ многими городами на Дунаѣ, но не смогъ взять Доростоля. Для овладѣнія послѣднимъ посланъ былъ сынъ Мономаха Вячеславъ съ воеводою Өомою Ратиборовичемъ, но и они не имѣли успѣха. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, русскіе успѣли все же таки опустошить Өракію и императоръ Алексѣй Комненъ посылалъ къ Мономаху митро-

полита Ефесскаго Неофита съ богатыми дарами. Миръ, вѣроятно, и былъ заключенъ, такъ какъ подъ конецъ своего княженія Владиміръ былъ снова въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Византіи.

При Владимірѣ значительно были расширены укрѣпленія Новгорода; городъ Ладога былъ обнесенъ каменными стѣнами; въ Ростово-Суздальской землѣ былъ основанъ новый городъ—Владиміръ, и, наконецъ, въ военномъ также отношеніи не лишено значенія устройство имъ у Кіева постоянной переправы черезъ Днѣпръ въ видѣ моста, вѣроятно плавучаго.

Владиміръ Мономахъ умеръ въ 1125 году и послѣдовавшее затѣмъ цѣлое столѣтіе нашей исторіи, до перваго нашествія монголовъ (1224 годъ), было все занято междуусобіями князей. Русь все болѣе и болѣе дробилась, мельчали владѣнія все размножающихся князей; мельчали ихъ средства; мельчали, большею частью, и интересы, изъ-за которыхъ происходили ихъ распри. Важнѣйшимъ за все это время въ политическомъ отношеніи, обстоятельствомъ было то, что Кіевъ и вообще югъ Россіи потеряли свое первенствующее значеніе, перешедшее къ Суздалю и его князю.

За все время борьбы Суздаля—сначала съ Кіевомъ, а потомъ съ Новгородомъ—можно было бы от-

мѣтить множество случаевъ проявленія выдающихся способностей или военного искусства предводителей той или другой стороны, но сколько-нибудь существеннаго значенія это не имѣло. Въ смыслѣ развитія или дальнѣйшаго движенія впередъ военного дѣла на Руси, можно только повторить уже сказанное выше, т. е. „это было время полнѣйшаго застоя“.

Вслѣдствіе этого, не утомля вниманія читателей хотя бы даже краткимъ перечнемъ массы этихъ войнъ, можно, кажется, считать приведенный выше историческій матеріалъ совершенно достаточнымъ, чтобы имѣть право перейти къ главной части настоящаго очерка, т. е. къ изслѣдованію вопроса „о состояніи вооруженныхъ силъ и военного искусства на Руси въ до-Монгольскій періодъ ея исторіи“.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3

ГЛАВА III.

Военное дѣло на Руси съ половины IX столѣтія до нашествія монголовъ—въ первой четверти XIII вѣка

Порядки образованія вооруженныхъ силъ Руси.

ыше было уже указано, что въ древнѣйшій періодъ существованія славянъ войско и народъ составляли у нихъ одно и то же. Родовое устройство народа обусловливало таковое же устройство и войска. Военная служба была одинаково обязательна для всѣхъ способныхъ носить оружіе членовъ рода, такъ что войско во всей его массѣ составляло въ сущности тотъ же народъ, естественно сохранявшій и въ рядахъ войска всѣ свои права. Въ силу этихъ правъ, войско, собираясь на вѣче, не рѣдко само

распоряжалось своею дѣятельностью. Оно опредѣляло—вступать ли въ бой и гдѣ именно, продолжать ли походъ или нѣтъ, оно же судило провинившихся. Отсюда совершенно понятно замѣчаемое въ древнеславянскомъ войскѣ полнѣйшее отсутствіе дисциплины.

Изъ сдѣланнаго же выше краткаго историческаго очерка развитія Русскаго государства явствуетъ, что съ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ, съ образованіемъ обширныхъ княжествъ—долженъ былъ неизбежно измѣниться и существовавшій ранѣе военный распорядокъ. Съ прибытіемъ иноплеменныхъ, варяжскихъ князей и съ началомъ ихъ политической дѣятельности въ качествѣ объединителей разрозненныхъ родовъ и племенъ, немедленно сказывается необходимость имѣть какъ бы постоянный классъ военныхъ людей. Только при помощи этой постоянной вооруженной силы князья могли получить возможность защищать Русь отъ внѣшнихъ враговъ, удерживать въ повиновеніи подчиненныя имъ племена, покорять новыя, расширять свои владѣнія, собирать дани и т. п.

Этимъ постояннымъ военнымъ классомъ является княжеская дружина, вначалѣ пришлая, иноземная, впоследствии же совершенно туземная—славянская. Собственно говоря, словомъ дружина обозначались

нерѣдко два совершенно отличныя понятія въ смыслѣ военной силы, а именно: оно употреблялось и вообще—означая все войско, собранное для извѣстной цѣли, и въ частности — собственно дружину, т. е. небольшое обыкновенно число ратныхъ людей, постоянно содержимыхъ князьями и составляющихъ какъ бы его тѣлохранителей. Въ этомъ именно смыслѣ дружина постоянно отличалась отъ остальной рати: такъ въ 1151 году Изяславъ II „повелѣлъ нарядити дружину изъ полковъ, а полковъ не нарушити“. Для обозначенія же остальныхъ составныхъ частей вооруженныхъ силъ, какъ-то: земскаго войска различныхъ областей, охотниковъ, наемниковъ и всей совокупности силъ—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, служили названія: вои, рать, полки и т. п.

Прибывшія съ первыми нашими князьями дружины варяговъ въ скоромъ времени замѣнились чисто-туземными славянскими, причемъ отношенія князя къ дружинѣ установились совершенно отличныя отъ таковыхъ же на Западѣ. Члены дружины у насъ—это были люди совершенно свободные, боевые товарищи князя, подвижники и совѣтчики его не только въ дѣлѣ ратномъ, но и въ строѣ земскомъ и даже въ дѣлахъ вѣры. Святославъ, напримѣръ, не хотѣлъ принимать христіанства потому, что дру-

жина станетъ смѣяться; Владиміръ I собиралъ бояръ (старшіе дружинники), чтобы посоветоваться о перемѣнѣ вѣры. Князь былъ неразлученъ съ дружиною: съ нею онъ думалъ или совѣщался, ходилъ на войну, на охоту, въ объѣздъ или полюдьѣ, съ нею же пировалъ и бражничалъ.

Принимали князья въ свою дружину людей всякихъ племенъ и народовъ, что, однако, нисколько не нарушало ея чисто-русскаго характера. Князья соперничали въ привлеченіи въ свою дружину храбрѣйшихъ витязей, и чѣмъ храбрѣй и знаменитѣй былъ князь, тѣмъ лучше была обыкновенно и его дружина. Дружинники имѣли полную свободу переходить изъ службы одного князя къ другому, и это право ихъ подтверждалось обыкновенно въ княжескихъ договорахъ. Тѣмъ не менѣе, случаи пользованія этимъ правомъ были рѣдки, потому что вѣрность дружины своему князю считалась однимъ изъ высшихъ ея достоинствъ.

Вообще же можно отмѣтить, что каковъ былъ князь, такова была и его дружина: выше приведено было, на примѣръ, какъ дружина перѣшительнаго Игоря рѣшаетъ возвратиться изъ похода, не давъ даже боя, потому что „какъ знать кто одолѣетъ, мы или они?“—а дружина Святослава говоритъ ему на совѣтъ передъ послѣднимъ сраженіемъ при До-

ростолѣ: „гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои положимъ“.

Позоромъ считалось для дружинника оставить поле сраженія потерявши князя и, обратно, хороший вождь считалъ постыднымъ бросить свое войско въ опасности, примѣромъ чего служить поступокъ тысяцкаго Вышаты въ походѣ Владиміра Ярославовича противъ грековъ.

Дружина находилась на полномъ содержаніи князя, т. е. получала отъ него пищу, одежду, коней, оружіе, и имѣла сверхъ того право на опредѣленную часть дани и военной добычи. Такъ какъ многочисленность и хорошія качества дружины составляли важнѣйшія условія силы и власти князя, то онъ естественно долженъ былъ не щадить средствъ на ея содержаніе. Обходились, однако, дружины такъ дорого, что большею частью онѣ были весьма немногочисленны: такъ, напримѣръ, у Ярослава I-го во время его борьбы со Святополкомъ было всего 1.000 дружинниковъ (при 40.000 новгородцевъ, т. е. земской рати); у Святополка дружина состояла изъ 800 отроковъ, и онъ этимъ хвастался; въ 1146 году, въ борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами, дружины пяти союзныхъ князей составляли всего 3.000 человекъ, значить каждый имѣлъ около 600.

О размѣрѣ собственно денежнаго содержанія дру-

жинника можно судить по тому, что въ эпоху до-татарскую, когда страсть къ роскоши была еще весьма мало развита, 200 гривенъ серебра *) было обычнымъ содержаніемъ старшаго дружинника.

Члены дружины обозначались словомъ *мужи*, хотя, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, слово мужъ означало дружинника втораго, младшаго, разряда. Лучшіе же, старшіе люди въ дружинѣ были бояре: это и были совѣтники князя; младшіе же члены носили также названія *гридей* или *гридыбы*. Такимъ образомъ въ дружинѣ существовало раздѣленіе на „лучшую, старѣйшую“, которую составляли *передніе мужи* или *бояре*, и младшую, въ которую входили *молодь, молодые люди* или что тоже—*гриди*. Кромѣ того, въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, подъ названіями: *отроки, дѣтскіе* или *пасынки*. Въ позднѣйшія уже времена дружины стали называться *дворомъ*, а члены ея—*дворянами, княжанцами* или *шестниками*. Сверхъ того, въ дружинѣ обыкновенно отличались двѣ ея составныя части: *боевая*, составлявшая непосред-

---

*) Гривна или гривенка въ вѣсовомъ счетѣ равнялась фунту, а въ денежномъ—маркѣ или полуфунту. Гривны были серебряныя и кунныя; послѣднихъ заключалось въ серебряныхъ, большею частью, 7, а у смольнянъ—4. Кромѣ того въ гривнѣ кунъ считалось 20 нагать.

ственную боевую силу, и *кошовая*, т. е. принадлежащая къ обозу.

Дружина само собою являлась для князя и главнымъ органомъ для управленія подвластною ему странною. Изъ бояръ и даже отроковъ своей дружины князь назначалъ въ города и области посадниковъ, тысяцкихъ, тиуновъ, бирючей и т. п. Эти должностныя лица большею частью имѣли также свои собственныя дружины. Княжеская дружина, помимо стольнаго или главнаго города, занимала обыкновенно и другіе города, составляя ихъ гарнизонъ (засаду), причеиъ его содержаніе возлагалось на самый городъ. Новгородъ, наприиърь, платилъ особо при Олегѣ 300 гривенъ на содержаніе дружины, а впоследствии эта сумма возросла до 1.000 гривенъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда силъ одной дружины оказывалось мало, князя обращались къ народу—жителямъ городовъ и селъ, изъ которыхъ и набирались полки, отличавшіеся отъ дружины и носившіе общее названіе—*вои*. Такимъ образомъ въ составѣ княжескаго войска всегда явственно различалась двойственность его образованія, т. е. *дружина* и *вои*.

Вои набирались изъ городского и сельскаго населенія, но послѣднее призывалось только въ рѣд-

кихъ, важнѣйшихъ случаяхъ. Вообще къ поголовному ополченію прибѣгали очень рѣдко и для сельскаго населенія личная служба, въ большинствѣ случаевъ, замѣнялась обязанностью поставлять лошадей. Вопросъ о сборѣ рати и ея выступленіи въ походъ обсуждался и рѣшался, по предложенію князя, на городскомъ народномъ вѣчѣ, по рѣшенію котораго выступало и сельское населеніе, ежели это требовалось. Участіе во всеобщемъ, поголовномъ ополченіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно постановлялось на вѣче, обозначалось выраженіемъ *идти и съ дѣтьми*. Выходили тогда и отцы, и большая часть сыновей, т. е. какъ и въ древнѣйшія времена, дома же оставался одинъ младшій сынъ. Вообще считались обязанными военною службою всѣ способные носить оружіе, и уклоненія отъ службы преслѣдовались судомъ. Избавлялись отъ службы только одни духовныя лица, но и то только получившія уже посвященіе.

Первоначально воинская повинность находилась внѣ всякой зависимости отъ поземельной собственности, и единственнымъ опредѣленіемъ при этомъ въ имущественномъ отношеніи было то, что кто имѣлъ коня, тотъ шелъ въ конную рать, у кого же его не было, тотъ садился въ ладью, т. е. шелъ въ пѣхоту. Такъ, бояре Изяслава II Мстиславовича,

призывая кіевлянъ въ походъ, говорятъ народу: „собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть идетъ въ лады“.

Въ позднѣйшія уже времена, съ водвореніемъ среди чрезвычайно подвижныхъ племенъ бѣльшей осѣдлости, за основаніе для несенія воинской повинности была принята земля. Нормою при этомъ служила *соха*, т.-е. пространство земли, которое могъ запахать ея владѣлецъ руками трехъ чело-вѣкъ, при трехъ же лошадяхъ. Обыкновенно нѣскольکو сохъ вмѣстѣ выставляли коннаго ратника; въ случаяхъ опасныхъ онъ выставлялся отъ четырехъ сохъ, т.-е. двѣнадцати чело-вѣкъ населенія, а въ обыкновенныхъ — съ десяти сохъ или тридцати чело-вѣкъ. Несостоятельные люди въ городѣ и безземельные въ области какъ-то: меньшіе люди, пѣшци и бобыли входили въ составъ пѣшей рати.

Выше было уже указано, что въ древнѣйшіе периоды народъ, идя на войну, сохранялъ свое устройство. Собраніе войска составляло народное же вѣче и начальствованіе частями войска принадлежало родовымъ и племеннымъ начальникамъ. Съ теченіемъ времени означенныя условія существенно измѣнились: вѣче постепенно утерало свое значеніе, а въ военновачальствованіи произошли еще бѣльшія из-

мѣненія, въ смыслѣ исключенія при этомъ всякихъ родовыхъ отношеній.

Народное войско или *вои* собиралось обыкновенно для одного какого-либо опредѣленнаго военнаго предпріятія или похода, а потому ежели походу случалось затянуться, то въ войскѣ возникалъ ропоть. Довольствіе воевъ лежало на нихъ самихъ, а потому количество забираемаго ими продовольствія при выступленіи должно было сообразовываться съ предполагаемою продолжительностью похода. Поэтому ежели послѣдній затягивался, то, за недостаткомъ, продовольствія все войско возвращалось иногда домой.

Кромѣ рати, составляемой на вышеизложенныхъ основаніяхъ, немаловажную часть древняго войска составляли: охочіе люди и наемныя дружины или, лучше, полчища иноплеменныхъ народовъ.

Охочими людьми являлись не только бездѣтные, бродячіе подонки народа, но нерѣдко люди настолько состоятельные, что могли снаряжать себя для конной службы. Шли не только жители страны, въ которой происходила война, но и сосѣднихъ областей. Особенно широкое примѣненіе имѣли отряды охочихъ людей—въ Великомъ Новгородѣ, откуда они совершали походы преимущественно на судахъ. Суда ихъ носили различныя названія, какъ-то: *лодь*,

лодья, лойва, насадъ и ушкуй. Послѣднее было любимымъ судномъ новгородцевъ, отъ него и самыя отряды получили названіе *ушкуйниковъ.* Ушкуй вмѣщалъ въ себѣ около 12 человѣкъ.

Наемныя войска составляли также обыкновенное явленіе въ рядахъ вооруженныхъ силъ русскихъ князей. Первоначально нанимали преимущественно варяговъ, среди которыхъ князья всегда имѣли возможность набрать необходимое количество ратныхъ людей. Но варяги, въ большинствѣ случаевъ, отличались крайне безпокойнымъ и буйнымъ нравомъ, позволяли себѣ всевозможныя безчинства и были чрезвычайно требовательны въ вопросѣ о ихъ содержаніи. Поэтому въ послѣдствіи князья предпочитали нанимать дружины въ рядахъ кочевыхъ народовъ, занимавшихъ югъ Россіи, какъ-то: половцевъ, печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ и черныхъ клобуковъ, а на западѣ—венгровъ, чеховъ и поляковъ. Въ древнѣйшія времена наемныя дружины этихъ народовъ составляли единственную конницу русской рати, такъ какъ славяне сражались исключительно пѣшкомъ и не умѣли ѣздить верхомъ. Любопытно отмѣтить также, что печенѣги ни разу не дали побѣды нанимавшимъ ихъ князьямъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ пограничныхъ княжествъ торгамъ и берендѣямъ предоставлялись земли для

заселенія, съ обязанностью взамѣнъ податей защищать границы и, какъ кажется, въ нихъ слѣдуетъ признать зачатки нашего послѣдующаго казачества.

Свѣдѣнія о числительности вооруженныхъ силъ, которыми располагали русскіе князья, въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно сбивчивы и противорѣчивы. Въ до-монгольскій періодъ нашей исторіи наиболѣе значительныя силы были употреблены въ слѣдующихъ походахъ: Олега къ Царьграду съ 80.000, Ярослава—въ 1018 году противъ Болеслава Храбраго—отъ 50—60 тысячъ и у Андрея Боголюбскаго при осадѣ Вышгорода въ 1173 году—тоже около 60 тысячъ. Вообще условія, въ которыхъ приходилось въ древности вести войны, мало способствовали дѣйствіямъ значительными силами. Этому препятствовали: отвратительное состояніе путей сообщенія и трудности добыванія продовольствія. Ежели не принимать во вниманіе распри князей и происходящую отъ этого разрозненность дѣйствій, то до-монгольская Русь могла безъ труда выставить довольно внушительную боевую силу. Въ XII, на примѣръ, столѣтіи Новгородъ могъ выставить до 20.000, а остальные области сѣверной Руси, т.-е. Псковская, Муромская, Ростовская и Рязанская—до 50.000. Южная же Россія, болѣе густо населенная, располагала еще ббльшимъ количествомъ войскъ,

такъ что общая численность русской рати, безъ наемныхъ войскъ, могла простираться до 150.000 человекъ. Наемныя полчища перѣдко бывали также весьма значительны: на помощь, напримѣръ, Изяславу Давыдовичу Черниговскому пришло до 20.000 половцевъ.

Удѣльный періодъ русской исторіи, конечно, не остался безъ вліянія и на устройство вооруженныхъ силъ, преимущественно въ смыслѣ все бѣльшаго ихъ дробленія. Не только всякій удѣльный князь считалъ необходимымъ имѣть свою дружину, свою рать, но къ тому же стремились и бояре. Въ XII вѣкѣ мужамъ и отрокамъ княжескихъ дружинъ присвоено было названіе — *дворянъ*, а отрокамъ боярскихъ дружинъ — *боярскихъ дѣтей*. Число дворянъ и боярскихъ дѣтей, составлявшихъ вначалѣ исключительно военное сословіе, возрастало весьма быстро. Раздача дружинникамъ земель, какъ средство привлечь ихъ и обязать службою, со временемъ примѣнялась все чаще и чаще. Вслѣдствіе этого возростала въ рукахъ дружинниковъ, главнымъ образомъ боярѣ, поземельная собственность и этимъ путемъ образовывалась наша земледѣльческая знать, вообще сословіе помѣщиковъ. Означенное обстоятельство, хотя и медленно, но, тѣмъ не менѣе, кореннымъ образомъ, измѣнило впоследствии условія не-

сенія военной службы. Изъ добровольной службы дружинника она обратилась въ обязательную для извѣстнаго класса населенія, за право владѣнія помѣстьемъ, что вылилось, впрочемъ, въ окончательную форму лишь въ значительно позднѣйшую эпоху.

Роды войскъ, ихъ одежда, вооруженіе, знамена, музыка и знаки отличія.

Главнымъ родомъ войска древнихъ славянъ была пѣхота, пѣшими же они преимущественно сражались и при первыхъ князьяхъ. Какъ указано выше во время осады греками Доростола, Святославомъ была сдѣлана, но неудачно, попытка дѣйствовать въ бою въ конномъ строю. Впрочемъ извѣстіе о немѣннн Святославовыхъ воиновъ, впервые будто бы сидящихъ верхомъ, справиться съ лошадьми принадлежитъ византійскимъ историкамъ и, какъ кажется, есть основанія усомниться въ справедливости его, такъ какъ еще ранѣе, въ 968 году, Святославъ же изъ Болгаріи двинулся на выручку Кіева— „посадивъ дружину на коней“. Вѣроятно, византійцы хотѣли посредствомъ употребленнаго ими выраженія сильнѣе выяснитъ все превосходство дѣйствительно прекрасной конницы Цимисхія.

Во всякомъ случаѣ, даже въ древнѣйшія времена

русскіе князья, дружина, бояре, витязи и вообще знатные люди были обыкновенно на коняхъ. Конницу же въ рядахъ русской рати составляли также наемныя войска изъ половцевъ, печенѣговъ, торковъ, угровъ (венгры) и т. п., вообще изъ сосѣднихъ народовъ тюркскаго племени.

Со временемъ необходимость постоянной борьбы съ народами, дѣйствовавшими не иначе какъ на коняхъ, вынудило и на Руси увеличивать количество конницы.

Есть свидѣтельства тому, что войска Ярополка Святославовича и Олега Древлянскаго сражались уже на коняхъ. Въ 1042 году Владиміръ Ярославовичъ ходилъ на Ямъ на лошадяхъ и одержалъ побѣду, но падежъ истребилъ у него лошадей. Впослѣдствіи конники, коневники и вообще конная рать составляла уже главную часть русскихъ войскъ, а пѣхота стала второстепеннымъ, вспомогательнымъ родомъ войска.

Отвратительное состояніе путей сообщенія и изобиліе водъ приводили къ тому, что сухимъ путемъ въ походахъ двигалась обыкновенно одна только конница, пѣшая же рать, во избѣжаніе трудностей движенія, садилась на суда и называлась судовою. При встрѣчѣ съ непріателемъ войско выходило изъ ладей и вступало въ бой на сухомъ пути, хотя

бывали примѣры боя и на водѣ, т.-е. въ рѣкахъ, на морѣ же они даже бывали часто. Устройствомъ судовой рати особенно прославился великій князь Изяславъ II Мстиславовичъ, который устроилъ на Днѣпрѣ въ 1151 году для обороны Кіева крытыя лодки, такъ что гребцовъ не было видно. Воины же въ броняхъ, стоя на палубѣ, перестрѣливались съ непріятелемъ, а кормицки—по одному на носу и кормѣ—направляли ладью куда нужно безъ поворота. Вообще же обыкновенныя ладьи, на которыхъ руссы совершали свои походы, были сравнительно небольшими и притомъ безпалубными лодками. Назывались онѣ *однодеревками*, хотя врядъ ли они могли быть выдолблены изъ одного дерева. На каждой ладьѣ помѣщалось, кромѣ необходимаго груза, отъ 40 до 50 человѣкъ, а по арабскимъ источникамъ — даже 100 человѣкъ.

Одежда русскихъ войскъ съ древнѣйшихъ временъ находилась въ тѣснѣйшей связи съ обыкновенною одеждою населенія. Хотя и нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій объ одеждѣ руссовъ въ наиболѣе древнія времена, но уже въ VI вѣкѣ все одѣяніе ихъ состояло изъ рубахи и исподницы, а нерѣдко и изъ одной исподницы. Отъ ненастья и холода они защищали себя звѣриными шкурами. Первое достовѣрное свѣдѣніе объ одеждѣ руссовъ относится

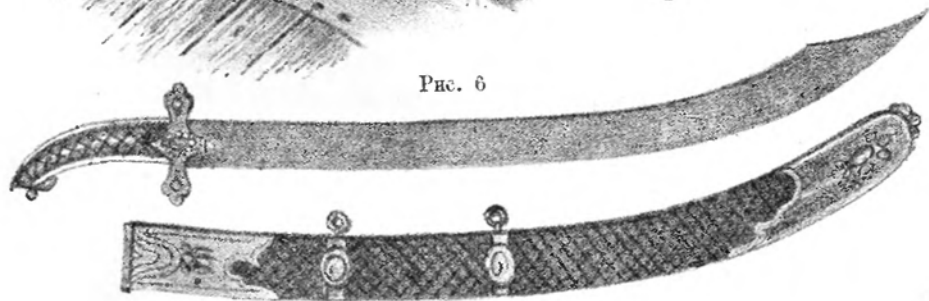
Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6

къ началу X вѣка, т.-е. 922 году, когда аравитянинъ Ибнъ-Фоссланъ, ѣздившій въ Волжскую Болгарію посломъ калифа багдадскаго Муктедира, видѣлъ руссовъ и оставилъ ихъ описаніе. По его словамъ, руссы никогда, даже въ мирномъ быту, не ходили безъ оружія, состоящаго изъ топора, меча и ножа. вмѣсто рубахи они накидывали на плечи кусокъ грубой ткани, оставляя одну руку свободною для дѣйствія (рисунокъ № 1). Впрочемъ онъ же, описывая обрядъ погребенія одного изъ русскихъ старѣйшинъ, говоритъ, что на него надѣли: два исподнія платья — верхнее и нижнее, сапоги, куртку и кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами и золотую же парчевую шапку, опушенную соболемъ. По свидѣтельству другаго аравитянина Ибнъ-Хаукала, одни изъ руссовъ вовсе не носили бороды, другіе же имѣли ее длинною, причемъ ее закручивали и окрашивали въ цвѣтъ шафрана. Левъ Діаконъ, описывая наружность Святослава при свиданіи его съ Іоанномъ Цимисхіемъ, рассказываетъ, что онъ имѣлъ бороду бритую и бритую же голову, на которой съ одной стороны висѣлъ длинный локонъ волосъ.

О вооруженіи древнихъ руссовъ извѣстно, что они употребляли: топоры (рис. 10), обоюдоострые мечи (рис. 7), короткія копья, сулицы или дроты (рис. 8), деревянные луки съ намазанными ядомъ стрѣлами

(рис. 9) и большіе, длинныя, деревянныя щиты, обшитые кожею и окованные желѣзомъ. Широкіе наверху и суживающіеся книзу, окрашенные въ красный цвѣтъ (червленныя), щиты составляли въ первые времена единственное предохранительное оружіе славянъ. Согласно же лѣтописи Нестора, руссы уже въ IX столѣтіи имѣли брони, а по другимъ источникамъ—они носили также шлемы; и то и другое руссы вѣроятно переняли отъ пришлыхъ къ нимъ князей и ихъ варяговъ.

Брони или кольчуги у руссовъ имѣли покрой рубашки, длиною до колѣнъ и съ рукавами по локоть или до кистей рукъ, гдѣ стягивались металлическими обручами. Иногда, впрочемъ, употреблялись и досчатые латы—прапорзи. Ноги, обутыя или въ сапоги, или въ обувь схожую съ лаптями, также защищались кольчужными панталонами (рис. 2 и 4). Голова прикрывалась шоломомъ съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ или личиною, въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся у шеи запою (рис. 3).

Бросаясь въ атаку на противника, руссы закрывались обыкновенно щитами, выставя копьѣ въ промежутки между нихъ. При отступленіи же щиты закидывались за спину.

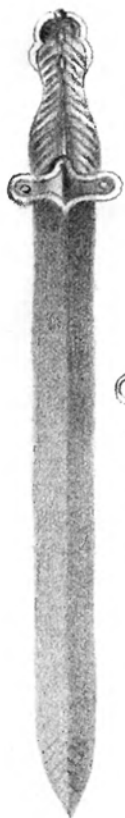

Рис. 7.

Рис.

9.

Рис. 12.

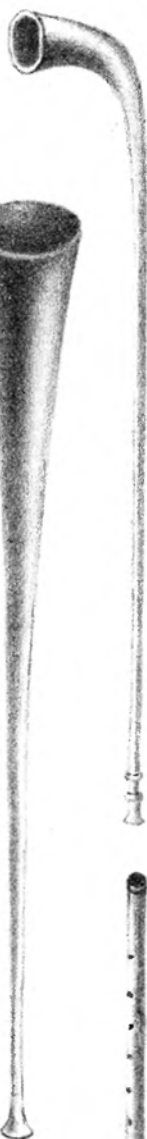

Рис.

8.

Рис. 11.

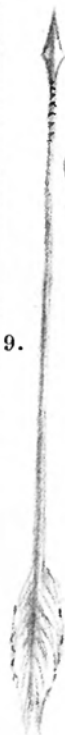

Рис. 13.

Рис. 10.

Интересно сопоставить съ приведенными свѣдѣніями таковыя же по отношенію къ балтійскимъ или сѣверо-западнымъ славянамъ.

Эти послѣдніе, участвуя какъ союзники въ войнѣ датскаго короля Гаральда противъ шведовъ и норвежцевъ въ концѣ VIII вѣка, принимали участие въ сраженіи при Браваллѣ. Ихъ полкъ, кстати замѣтимъ, находившійся подъ начальствомъ дѣвы Висна, описывается вооруженнымъ маленькими щитами мѣднаго цвѣта и чрезвычайно длинными мечами. Въ рукопашномъ бою они перебрасывали свой щитъ за спину или передавали слугѣ и съ мечомъ въ рукѣ бросались на врага, съ открытою грудью, выставляя все тѣло на раны.

Оружіе конныхъ ратниковъ у руссовъ было одинаково съ пѣшими, съ тою лишь разницею, что у конныхъ были длинныя копьа съ разноцвѣтными значками — *пропорцами* (рис. 14) и вмѣсто мечей они имѣли кривыя сабли, заимствованныя у тюркскихъ народовъ (рис. 6).

Кромѣ того у руссовъ почти постоянно встрѣчалось особое оружіе въ видѣ ножей, носившихся за сапогомъ, а потому и называвшихся *засапожниками* (рис. 5). Повидимому, бой на засапожникахъ считался доказательствомъ мужества и доблести рати: такъ, въ „Словѣ о полку Игоревомъ“ приво-

дится восклицаніе князя: „ужъ не вижу я власти сильнаго, богатаго и многовои брата моего Ярослава съ черниговскими былями, мугутами, тотропами, топчаками, ревугами и ольберами безъ щитовъ, съ засапожными ножами, кликами полки побѣждаютъ, гремя прежнею славою...“

Бывали примѣры и въ позднѣйшія времена, что русская рать сражалась совсѣмъ безъ доспѣховъ, т.-е. предохранительнаго оружія. Такъ, въ сраженіи при Колакчѣ, въ 1096 году, новгородцы князя Мстислава спѣшились для боя и сбросили съ себя даже платье и сапоги. Передъ Липецкою битвой, 21 апрѣля 1216 года, Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой далъ своимъ новгородцамъ на выборъ—сражаться на коняхъ, или пѣшкомъ. Новгородцы отвѣчали: что не хотятъ помирать на коняхъ, но хотятъ биться пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакчѣ, и, сбросивъ съ себя порты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля.

Соотвѣтственно вооруженію, пѣшая рать подраздѣлялась на копѣйщиковъ, предназначившихся для рукопашнаго боя въ массахъ, копьемъ или мечомъ, и лучниковъ или стрѣльцовъ, для стрѣльбы изъ лука, большею частью въ разсыпную.

На вооруженіи русскихъ войскъ, разумѣется, должно было сказаться вліяніе тѣхъ разнообраз-

ныхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось по преимуществу вести борьбу. Такъ, на югѣ—отъ печенѣговъ и половцевъ заимствованы были сабли, а лукъ со стрѣлами сталъ главнымъ родомъ оружія въ борьбѣ съ кочевниками. На сѣверѣ же лукъ и стрѣлы встрѣчались сравнительно рѣже, за то отъ ливонцевъ и шведовъ перенималось преимущественно предохранительное оружіе, т.-е. всякаго рода доспѣхи. Понятно также, что не могло быть и никакого однообразія въ вооруженіи дружинъ и воевъ; всякій вооружался чѣмъ могъ и чѣмъ находилъ для себя удобнѣе.

Приобрѣтеніе оружія, а въ особенности доспѣховъ, составляло задачу далеко не легкую. Выдѣлка оружія въ Россіи была крайне ограниченная, и приходилось приобретать его извнѣ или покупкою, или войною. Сравнительно съ другими мѣстностями Новгородъ находился въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ. У него впрочемъ и собственная выдѣлка оружія получила не только большее развитіе, но даже достигла нѣкотораго совершенства. Вообще же лучшее и дорогое оружіе получалось изъ сосѣднихъ странъ; особенно славились, напримѣръ: шеломы латинскіе и аварскіе, сулицы (копья)—ляцкіе, т.-е. польскіе, и мечи харалужные,

т.-е. изъ восточной вороненой стали. У князей, боярь и богатыхъ людей оружіе украшалось серебромъ и золотомъ, особенно шлемы.

Въ разсматриваемый длинный періодъ времени, съ IX по XIII столѣтіе, вооруженіе подвергалось, разумѣется, многочисленнымъ измѣненіямъ. Первоначально простое, легкое и несложное, оно со временемъ становилось все тяжелѣе и сложнѣе, такъ что даже въ до-монгольскій періодъ все болѣе и болѣе трудная задача снабженія войска оружіемъ стала въ значительной долѣ ложиться на князей. Изъ ихъ складовъ выдавалось оружіе передъ выстушеніемъ въ походъ, а по минованіи надобности отбиралось обратно. Для облегченія войскъ во время похода оружіе часто возилось на подводахъ, или сплавлялось по рѣкамъ до встрѣчи съ непріателемъ, и уже передъ битвою ратники вооружались и надѣвали брони. Благодаря такого рода порядкамъ, русская рать попадала иногда въ весьма неудобное положеніе, бывая застигнута противникомъ не только не готовою къ бою, но даже безоружною.

Необходимую принадлежностью русскихъ войскъ были также знамена или, какъ ихъ въ то время называли, *стяги*. Славяне уже въ древнѣйшія времена чрезвычайно высоко чтили свои знамена, считая ихъ въ военное время выше своихъ идоловъ,

Рис. 14.

а въ мирное—сохраняли ихъ въ своихъ главныхъ храмахъ и воздавали имъ божескія почести. Знамя балтійскихъ, напрімѣръ, вендовъ стояло обыкновенно въ Святовидовомъ храмѣ, въ городѣ Арконѣ, и считалось сильною богинею, дающею право идущимъ съ нею нарушать законы и даже оскорблять идоловъ. Языческіе стяги были огромной величины, пестрые, съ изображеніемъ языческихъ боговъ и чудовищъ.

Въ битвѣ мѣста расположенія стяговъ служили сборными пунктами для войскъ и кругомъ своихъ стяговъ, распускавшихся только передъ битвой, войска сражались. Вслѣдствіе этого выраженія: *поставить стягъ* или *наволочить стягъ*—означали приготовленіе войскъ къ бою, т. е. построеніе боеваго порядка. Прорубиться въ бою къ непріятельскому стягу считалось выдающимся подвигомъ, а *подрубить стягъ* у противника означало обыкновенно рѣшительную побѣду.

По введеніи христіанства стяги вполнѣ сохранили свое значеніе и безъ нихъ не отправлялись въ походъ и не вступали въ сраженіе. Сколько можно судить по сохранившимся свѣдѣніямъ, каждая отдѣльная дружина и рать каждой области или города имѣла свой стягъ. Въ 1216 году, въ уже упомянутомъ выше Липецкомъ сраженіи, у князя Ге-

оргія Суздальскаго было, напрымѣръ, 17 стяговъ а у Ярослава съ его новгородцами—13.

Также какъ и знамена, военная музыка составляла всегдашнюю принадлежность русскаго войска. Славянскими народными музыкальными инструментами еще въ VI вѣкѣ были: волынка, гудокъ, дудка и гусли. Собственно же въ войскахъ музыку составляли *трубы, накры* и *бубны*. Въ томъ же Липецкомъ сраженіи у суздальцевъ и владимірцевъ было 40 трубъ и столько же бубновъ, а у новгородцевъ—60 трубъ и бубновъ. Позже, въ 1220 году, въ походѣ противъ волжскихъ болгаръ русское войско имѣло: трубы (рис. 11), бубны, сурны (рис. 12) и сопели (рис. 13). Эти четыре инструмента существовали въ военной музыки Россіи до XVIII столѣтія.

Подвиги мужества и самоотверженія и вообще военныя заслуги не оставались и прежде безъ награжденія, причемъ и въ древнѣйшія времена имѣлись для этого особые знаки отличія. Наиболѣе древними знаками отличія были *золотыя гривны* и *чепи* (цѣпи). Народныя преданія о богатыряхъ Владиміра I-го говорятъ уже о нѣкомъ Александрѣ съ золотой гривною. Лѣтописцы наши, приводя извѣстіе о убіеніи Бориса братомъ его Святополкомъ въ 1015 году, говорятъ, что у любимаго Борисова

отрока Георгія была на шеѣ гривна: „съ Егорія же не могуще борзо сняти гривны, съ шеи, отсѣкоша главу его и тако спяша гривну“. Въ 1147 году возмутившійся народъ въ Кіевѣ сорвалъ съ рязанскаго боярина Михаила золотую гривну и цѣпи. Слѣдовательно гривна была золотою медалью, носившеюся на шеѣ—на цѣпи. Помимо этого въ награду раздавались: оружіе, доспѣхи, деньги, прибавка къ денежному содержанію, помѣстья и возводили въ санъ боярь, воеводъ, тысяцкихъ и другія дворовыя, военныя и гражданскія званія.

Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою.

Выше было уже приведено, что въ древнѣйшія времена славяне избѣгали правильныхъ сраженій, въ особенности на мѣстности ровной и открытой. Отдавая предпочтеніе борьбѣ на мѣстности трудно доступной, въ лѣсахъ, болотахъ, горахъ и ущельяхъ, славяне сражались исключительно пѣшими и не принимали при этомъ никакого строя. Въ ряды, шеренги или даже толпу славяне не строились, а дѣйствовали, слѣдовательно, въ разсыпную, разчитывая на свое искусство въ одиночномъ бою.

Съ прибытіемъ первыхъ русскихъ князей съ ихъ варяжскими дружинами и послѣдовавшимъ вскорѣ

затѣмъ образованіемъ изъ среды самихъ славянъ постоянныхъ войсковыхъ частей, въ видѣ княжескихъ и боярскихъ дружинъ, очевидно должны были выработаться какіе-либо опредѣленные порядки для боя и способа дѣйствій, отвѣчающіе и особенно-стямъ славянскаго племени, и устройству, и вооруженію ихъ дружинъ и земской рати.

Для временъ первыхъ русскихъ князей—Рюрика съ братьями, Олега и Игоря, сохранившіеся историческіе документы не даютъ никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній относительно строя и образа веденія боя. Но уже для времени Святослава I-го имѣются достаточно обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу. Войска Святослава, оказывается, принимали въ бою сплошное глубокое построеніе, въ которомъ ратники, сомкнувъ свои длинные щиты, составляли какъ бы подвижную стѣну, отличавшуюся чрезвычайною силой удара при атакѣ и—сопротивленія при оборонѣ.

Дальнѣйшее развитіе боевыхъ строевыхъ, порядковъ и дѣйствій, понятно, не могло происходить внѣ всякаго вліянія цѣлаго ряда внѣшнихъ условий, изъ числа которыхъ важнѣйшимъ былъ, разумѣется, родъ противника.

Занимая страну, расположенную между Западною Европой съ одной стороны и Азіею—съ дру-

гой, русскому народу приходилось сталкиваться и вступать въ борьбу съ самыми разнообразными народностями, представляющими рѣзкія другъ отъ друга отличія въ формахъ образованія ихъ вооруженныхъ силъ и способахъ дѣйствій на войнѣ. Въ зависимости отъ этого, характеръ боевыхъ дѣйствій и строи войскъ вырабатывались въ различныхъ частяхъ Руси съ своими болѣе или менѣе существенными особенностями.

Въ общемъ, означенныя особенности могутъ быть сведены къ двумъ главнѣйшимъ способамъ дѣйствій: въ одномъ—преобладалъ бой вблизи, рукопашный, а въ другомъ — бой издали, преимущественно метательнымъ оружіемъ. Принятіе того или другаго характера боя обуславливалось необходимостью бороться или—съ нестройными военными полками восточныхъ кочевыхъ народовъ, или же—со стройными дисциплинированными массами нѣмцевъ, шведовъ и ливонцевъ. Первый, рукопашный способъ получилъ слѣдовательно развитіе и примѣненіе на сѣверѣ и западѣ Руси, а второй, метательный, на югѣ и востокѣ.

Древнѣйшіе восточные и южные сосѣди Руси, какъ-то: печенѣги, половцы, хазары и т. д., не имѣли какого-либо боеаго строя, а дѣйствовали въ бою толпою или въ-разсыпную. Достиженіе успѣха они

основывали прежде всего на бою издали: тучею бросаемыхъ стрѣлъ они старались привести противника въ замѣшательство и безпорядокъ, а затѣмъ и заставить его бѣжать съ поля сраженія. Не разстроеннаго, сохранившаго порядокъ непріятели эти народы рѣшались атаковать въ рукопашную въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Не успѣвъ же обратить противника въ бѣгство, они сами поворачивали тылъ, не доведя дѣла до рѣшительнаго столкновенія, такъ что, въ сущности, тактика восточныхъ народовъ совершенно опредѣлялась словами: „*быи, или я самъ побѣгу*“.

Въ восточной Руси, гдѣ въ рядахъ ея рати нерѣдко служили значительныя даже массы печенѣговъ, половцевъ, торковъ, берендѣевъ, ковуевъ и другихъ восточныхъ народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составлявшихъ и главнаго врага нашего отечества, лукъ и стрѣлы стали, понятно, такимъ же важнымъ оружіемъ, какъ и у этихъ народовъ. Эти наемники въ рядахъ русскаго войска сохраняли, разумѣется, всѣ особенности своего способа дѣйствій въ бою, а потому образовывали особую часть боеваго построенія нашей рати—лучниковъ или стрѣлковъ, въ послѣдствіи формировавшіеся и изъ среды самихъ русскихъ. Лучники, какъ передовая часть боеваго порядка, завязывали бой и подготавливали своими стрѣлами ударъ

холоднымъ оружіемъ сомкнутыхъ массъ главныхъ силъ.

Со времянь уже первыхъ русскихъ князей русскія войска располагались для битвы въ боевомъ порядкѣ, состоявшемъ изъ трехъ основныхъ частей: въ серединѣ—большой полкъ или чело, а по бокамъ—правое и лѣвое крылья. Въ челѣ ставились обыкновенно варяги или другіе наемники, а также земскіе полки (вои), на крыльяхъ же располагались преимущественно княжескія дружины. Впослѣдствіи къ этимъ тремъ частямъ боеваго порядка, составлявшимъ главныя силы—по тогдашнему *главный рядъ*, прибавились еще *передовой* и *сторожевой* полки, составлявшіе уже второй—*передній рядъ*. Съ конца же XII столѣтія можно уже съ достовѣрностью отмѣтить прибавленіе къ этимъ пяти отдѣламъ еще особаго, шестаго—*стрѣлковъ*. Въ „Словѣ о полку Игоревомъ, на примѣръ, ясно обозначены всѣ эти шесть частей боеваго порядка, описываемаго слѣдующимъ образомъ: „И изрядиша (русскіе) полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожь, а по лѣву Святославль, на передь сынъ Володимерь и другой полкъ Ярославль, а *третій на передь же стрѣльцы*, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены...“ Значить стрѣльцы или лучники составляли отдѣльную часть именно боеваго только порядка, и назна-

чались въ нее ратники съ луками и стрѣлами изъ всѣхъ дружинъ или полковъ. Къ сожалѣнiю, нельзя опредѣлить, какимъ образомъ располагались другъ относительно друга полки передняго ряда. Очевидно только, что стрѣльцы были всѣхъ впереди. Въ томъ же „Словѣ о полку Игоревомъ“ говорится: „и выѣхаша изъ половецкихъ полковъ стрѣльцы и путивши по стрѣлѣ и поскочиша... Русь же бяху не переѣхали еще рѣки. Поскочиша же и тѣ половцы, которые далеко рѣки стояху. Святославъ же Ольговичъ и Володимеръ, и Олестинъ, и стрѣльцы потекоша на нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идясте не распустица полка своего...“ Въ этомъ же сраженiи, на берегахъ рѣки Коялы, какъ свидѣтельствуемъ Карамзинъ: „половцы три дня дѣйствовали *стрѣлами* и не хотѣли сразиться *копьями*...“, что вполне подтверждаетъ вышеприведенное опредѣленiе тактики восточныхъ народовъ.

На сѣверѣ же и западѣ положенiе дѣла было совершенно иное: здѣсь русскимъ приходилось сталкиваться съ врагами совсѣмъ другаго характера, т.-е. нѣмцами, литовцами и шведами, выработавшими свой строй и свои способы веденiя боя. Въ противоположность восточному, здѣсь нашими противниками принимался строй сплошной, сомкнутый, обезпечивавшiй возможность успешной борьбы—не

издали, стрѣлами, а вблизи, въ-рукопашную. Этимъ условіямъ какъ нельзя болѣе удовлетворялъ строй нѣмецкой фаланги, носившей названіе *свиньи* или *великой свиньи*, которая имѣла фигуру треугольника или клина, обращеннаго вершиною впередъ. Составлялся онъ обыкновенно изъ тяжело вооруженныхъ ратниковъ, вслѣдствіе чего назывался на Руси желѣзнымъ полкомъ, ударъ котораго большею частью отличался чрезвычайною силой. Славяне умѣли также пользоваться этимъ строемъ, но въ лѣтописяхъ почти не встрѣчается сколько-нибудь ясныхъ указаній на его примѣненіе ими въ бою. Славянамъ (т.-е. руссамъ) очевидно было необходимо не подражать въ этомъ случаѣ нѣмцамъ, а изыскивать лучшіе способы для борьбы съ ихъ свиньей. Этимъ способомъ, насколько можно судить по сохранившимся указаніямъ, было распредѣленіе трехъ или пяти полковъ, составлявшихъ боевой порядокъ русскихъ, въ видѣ римской цифры V, *пяткомъ* или *клящами*. Такая фигура боеваго порядка, составляя примую противоположность свиньи, представляла весьма выгодную возможность охватывать послѣднюю, какъ это и было при Александрѣ Невскомъ въ Ледовомъ побоищѣ въ 1242 году.

Но помимо формы боеваго построенія, сѣверъ Руси, въ виду характера веденія боя его европей-

скими врагами, не имѣлъ возможности развивать, подобно югу, бой издали стрѣлками. Новгородцы, напримѣръ, не знали употребленія стрѣлковъ и не умѣли отъ нихъ защищаться, что составляло весьма важный недостатокъ новгородскихъ и вообще сѣверно-русскихъ войскъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ юго-восточнымъ строемъ—со стрѣлками. При этомъ новгородская копница, поражаемая стрѣлами противника, не могла долго сохранять порядокъ, тѣмъ болѣе, что въ ея рядахъ находились также и *меньшіе люди*, отродясь на лошадяхъ не сидѣвшіе и не умѣвшіе съ ними справляться. Пораженіе конныхъ массъ сѣвера было очевиднымъ слѣдствіемъ разницы въ способахъ дѣйствій и горю пришлось помогать тѣмъ, что эта копница передъ боемъ спѣшивалась и пѣшкомъ пускалась въ атаку. Этимъ именно способомъ, какъ указано выше, новгородцы одержали свои двѣ важнѣйшія побѣды: на Колакчѣ (въ 1096 году) и липецкую (въ 1216 году). Этотъ именно способъ веденія боя, какъ кажется, и можетъ быть признанъ за тотъ *русскій бой*, о которомъ говорятъ лѣтописцы и который высоко цѣнился западными сосѣдями Руси.

Сраженіе или битва, называющіеся въ древности *сступомъ, сступленіемъ, соймомъ, снятіемъ, совку-*

помѣ и т. д., начинались обыкновенно не прямо по встрѣчѣ противниковъ. Враждебныя стороны иногда весьма даже долго оставались другъ противъ друга, не рѣшаясь завязать бой и стараясь бранью вывести своего противника изъ терпѣнія. Для брани избирались самые разнообразныя предлоги, чаще же всего для этого служила личность непріятельскаго предводителя. Въ 1016 году, напримѣръ, кіевляне Святополка и Ярославовы новгородцы, сойдясь на противоположныхъ берегахъ Днѣпра, стояли праздно четыре дня, ни тѣ, ни другіе не смѣя перейти рѣку. Наконецъ уже въ заморозы Святополковъ воевода Волчій Хвостъ сталъ ѣздить вдоль рѣки и грозить новгородцамъ, всегда имѣвшимъ въ своихъ рядахъ много ремесленниковъ, „приставить ихъ дома рубить“. Выведенные изъ терпѣнія, новгородцы переправились черезъ Днѣпръ и разбили неожиданнаго нападенія и въ это время пьянствовавшаго Святополка. Въ 1018 году воевода Ярослава Будый вызывалъ передъ бужскимъ сраженіемъ поляковъ на бой, обѣщая „проткнуть палкою толстое брюхо польскаго короля Болеслава Храбраго“. Нерѣдко брань производилась въ совершенно неприличной формѣ, или, какъ выражаются лѣтописи, „лаялись какъ псы“.

Передъ боемъ войско вооружалось везущимся за-

частую въ обозѣ оружіемъ, а затѣмъ ставило стяги, то-есть строило боевой порядокъ. Боевой порядокъ, какъ уже указано выше, состоялъ изъ нѣсколькихъ частей, называвшихся полками, въ центрѣ—большой, на флангахъ—правой и лѣвой руки, впереди—сторожевой полкъ и стрѣлки и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тылу—въ резервѣ—засадный полкъ.

Предварительный бой завязывался на югѣ—стрѣлками, а на сѣверѣ—сторожевымъ полкомъ, затѣмъ уже схватывались главныя силы. Стрѣлки или лучники дѣйствовали въ-разсыпную, остальные же—въ соменурыхъ массахъ. Борьба велась: кіями, топорами, ножами, сѣклись мечами, схватясь даже за руки. Князья съ конными полками и своими дружинами по нѣскольку иногда разъ ходили въ атаку и врубались въ ряды непріятели. Дѣло выигрывалось, когда противникъ „вдавалъ плечи“, то-есть обращался въ бѣгство. Всякаго рода военныя хитрости, засады, ложное бѣгство и т. под. примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ.

О качествахъ русскаго воина того времени въ бою можно судить по ихъ описанію, даваемому уже упоминавшимся выше Михаиломъ Пселломъ. Будучи посланъ въ 1057 году императоромъ Михаиломъ Стратіотикомъ къ возставшему Исааку Комнену,

онъ описалъ пріемъ сдѣланный ему Компеномъ, и окружавшую послѣдняго свиту. Разсказавъ, что у трона стояли приближенные, составлявшіе три опоясывающіе другъ друга круга, онъ говоритъ, что послѣдній кругъ составляли союзническія силы: итальянцы и тавроскифы, то - есть русскіе: „они были страшны и видомъ своимъ и наружностью; тѣ и другіе имѣютъ свѣтлоглубые глаза, но они поддѣлываютъ цвѣтъ (краску) и обнажаютъ поверхность своихъ щекъ (то-есть брились), другіе сохраняютъ это въ природномъ видѣ; одни (итальянцы) ужасны въ натискѣ, легко подвижны и стремительны; другіе (русскіе) яростны, но медлительны; одни (опять итальянцы)—неудержимы въ первомъ порывѣ ихъ нападенія, но скоро насыщаютъ свою страстность; другіе же (русскіе) не такъ стремительны, но за то не щадятъ своей крови и презираютъ свои раны (въ буквальномъ же переводѣ—не обращаютъ вниманія на куски мяса, то-есть терпимые въ сраженіи).

Изъ приведеннаго описанія и всего вышензложеннаго явствуетъ, что атака руссовъ въ бою отличалась всегда чрезвычайною силой. Но, будучи отражены или опрокинуты, перейти къ оборонѣ они не умѣли и лагеремъ, какъ укрѣпленнымъ пунктомъ, на случай неудачи въ атакѣ, пользовались

крайне рѣдко. Обращаясь же въ бѣгство и стараясь укрыться и запереться въ ближайшемъ городѣ, потери бѣгущаго, очевидно, должны были быть очень велики. Вообще, пораженіе въ то время равнялось обыкновенно почти поголовному истребленію.

Одержавъ побѣду, руссы нерѣдко, вмѣсто настойчиваго преслѣдованія противника, бросались грабить его обозы, одирали мертвыхъ, а иногда даже начинали драться между собою изъ-за добычи. Этою слабостью руссовъ часто пользовались ихъ противники, особенно нѣмцы, которые, бросая свой обозъ на разграбленіе, иногда, благодаря этому, выходили изъ критическаго положенія. Склонностью къ грабежу въ особенности отличались смоляне, новгородцы же сравнительно рѣдко уклонялись для этого отъ боя. Побѣдители большею частью оставались на полѣ сраженія, по тогдашнему—*на костяхъ*, и въ теченіе иногда нѣсколькихъ дней праздновали побѣду.

Мѣстныя условія, въ которыхъ приходилось въ древности вести войны, какъ уже не разъ указывалось выше, чрезвычайно затрудняли дѣйствія и движенія войскъ. Обширные, сплошные лѣса, покрывавшіе въ то время Россію, громадныя болотныя пространства и вообще изобиліе водъ, при обратительномъ состояніи сухопутныхъ путей сообщенія, къ тому же очень рѣдкихъ, дѣлали походы

сухимъ путемъ крайне трудными. Вслѣдствіе этого каждому походу предшествовали часто даже весьма обширныя работы по исправленію путей, устройству мостовъ и переправъ черезъ рѣки и т. д.

Трудностями движенія сухимъ путемъ объясняется усвоеніе руссами привычки пользоваться въ широкихъ размѣрахъ рѣками, совершая походы въ ладьяхъ. Сухимъ путемъ двигалась обыкновенно одна конница; пѣхота же, оружіе, запасы довольствія и вообще всѣ тяжести перевозились водою. Въ случаѣ же необходимости движеній сухимъ путемъ, таковыя старались выполнять преимущественно зимою, когда замерзшія рѣки и болота не составляли препятствій, и кончить походъ торопились до таянія снѣга.

При сухопутныхъ движеніяхъ войска охранялись *сторожами*, высланными впередъ, какъ для охраны, такъ и для развѣдыванія о непріятелѣ и дорогахъ и для захватыванія плѣнныхъ (языковъ). На отдыхъ войска располагались *станами*, но укрѣпленныхъ лагерей почти никогда не строили. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, и то рѣдкихъ, руссы окружали свой станъ тыномъ или повозками, т. е. устраивали такъ-называемый *городъ въ кольцѣ*.

Малая населенность Руси, разбросанность поселеній, большею частью мелкихъ, и малое въ то

время еще развитіе земледѣлія ставили въ затруднительное положеніе вопросъ о довольствіи и содержаніи войска. Приходилось все необходимое возить за войсками, вслѣдствіе чего они были всегда обременены громадными обозами, называвшимися *товары*. Обозы эти достигали даже невѣроятныхъ размѣровъ при возвращеніи изъ удачнаго похода. Для довольствія же войскъ все же таки приходилось часто обращаться къ средствамъ страны, собирая довольствіе отъ жителей, что называлось *нхати въ зажитіе*, а посылаемые для сбора люди—*зажитниками*.

По понятіямъ того времени война, особенно вносимая въ предѣлы непріятельской страны, неизбежно сопровождалась ея опустошеніемъ и полнѣйшимъ разореніемъ. Потравить, положить пугу, выжечь землю, волости и села, погубить хлѣба, а скота не оставить ни „рога“, ни „куряті“—все это составляло славу похода. Въ случаѣ ежели не удавалось погулять въ непріятельской землѣ, то надъ войсками насмѣхались какъ свои, такъ и противники. Для болѣе полнаго опустошенія страны, войска пускались иногда въ *разонъ*, т. е. раздѣлялись на мелкіе отряды, исключительно занимавшіеся грабежемъ.

Разореніе страны выражалось не только въ за-

хватѣ и уничтоженіи имущества, но также и въ избіеніи или плѣненіи жителей. Руссы забирали въ сосѣднихъ странахъ массы плѣнныхъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, а во время междуусобій населеніе даже русскихъ княжествъ подвергалось избіеніямъ: походъ напримѣръ Изяслава II Мстиславовича на Ростовскую землю въ 1149 году стѣдилъ послѣдней болѣе 7.000 человекъ жителей.

Понятно, что сосѣди Руси, особенно восточные народы, платили русскимъ тѣмъ же во время своихъ набѣговъ, или даже участвуя какъ союзники въ распряхъ князей. Такъ, въ 1160 году, половцы, приведенные Изяславомъ Давыдовичемъ на Смоленскую область, вывели оттуда болѣе 10.000 плѣнныхъ.

Участь военно-плѣнныхъ была вообще тяжела въ большинствѣ случаевъ они обращались въ рабство или продавались. Послѣ неудачной, напримѣръ, попытки 25 февраля 1169 года взять Новгородъ,—разбитые суздальцы вынуждены были отступить и потеряли при этомъ такую массу плѣнными, что суздалецъ продавался затѣмъ за двѣ нагаты, т. е. за гривну серебра отдавали 10 суздальцевъ. Бывали случаи, когда плѣнныхъ, своею массою затруднявшихъ движенія войска или опасныхъ въ случаѣ новой встрѣчи съ врагомъ, безпощадно перебивали.

Нерѣдко были уводимы въ плѣнъ поголовно все жители взятыхъ городовъ, потомъ поселяемые на новыхъ мѣстахъ.

При заключеніи мира употреблялась клятва: во время язычества она произносилась передъ идоломъ надъ сложенными щитами, мечами и золотыми обручами, а по введеніи христіанства — съ крестнымъ цѣлованіемъ. Условія мира включались въ письменные договоры—грамоты, называвшіеся *крестными*. Объявленіе войны обыкновенно сопровождалось или даже выражалось отсылкою крестныхъ грамотъ.

Начальствованіе войскомъ принадлежало князю, который обыкновенно непосредственно предводительствовалъ дружиною, какъ мы видѣли, занимавшею въ боевомъ порядкѣ особое мѣсто. Великому князю, въ случаѣ его участія въ военномъ предпріятіи, принадлежало право верховнаго начальствованія войсками, какъ своими, такъ и другихъ князей и народными ополченіями. Подъ его начальствомъ находились, слѣдовательно, младшіе, удѣльные князья, а также и соотвѣтствующіе тогдашнимъ подраздѣленіямъ войскъ военачальники, какъ-то: воеводы, тысяцкіе, головы, сотскіе и десятскіе.

Вообще начальствованіе въ войскахъ большею частью находилось въ тѣсной связи съ занятіемъ гражданскихъ или дворовыхъ (при княземъ дворѣ)

должностей, а потому хотя оно и не было сложно, но отличалось крайнею неопредѣленностью. Высшими военно-должностными лицами съ древнѣйшихъ временъ были, какъ кажется, воеводы, которые упоминаются уже въ войскахъ Игоря и Святослава. Впослѣдствіи однако званіе воеводы нерѣдко смѣнивалось съ тысяцкимъ, который первоначально былъ, вѣроятно, воеводою собственно земскихъ полковъ. Вообще, въ позднѣйшія времена воеводъ было множество, такъ какъ каждый князь и каждый городъ имѣлъ своихъ воеводъ, и нѣтъ никакой возможности сколько-нибудь точно опредѣлить предѣлы власти воеводы и силы, ввѣрявшіеся ихъ командованію.

Сравнительно болѣе опредѣленные свѣдѣнія имѣются о порядкахъ чиновначалія въ нашихъ сѣверныхъ областяхъ—Новгородской и Псковской. Въ послѣдней, напримѣръ, соотвѣтственно существовавшему раздѣленію города на шесть концовъ и дѣтинецъ, назначалось шесть же воеводъ. Къ каждому концу было приписано по два пригорода, которыхъ въ области было 12, и каждый изъ нихъ выставлялъ особый полкъ, имѣвшій свой стягъ. Этими полками и предводительствовали означенные шесть воеводъ, по два на cadaго; воеводы избирались изъ посадниковъ и носили названіе *большихъ вое-*

водъ. Всѣми же силами, какъ пригородовъ, такъ и самого Пскова, командовалъ особый, „что наибольшій воевода“, и, наконецъ, верховное предводительствованіе войсками принадлежало князю, имѣвшему еще свою дружину.

Города, крѣпости, атака и оборона ихъ.

Выше было уже выяснено, что города какъ первоначальныя въ данной мѣстности пункты заселенія, пункты огороженные или укрѣпленные, въ которыхъ искало защиты, въ случаѣ опасности, и сельское населеніе,—всегда имѣли въ древней Руси весьма важное значеніе и въ государственномъ ея быту, а тѣмъ болѣе въ военномъ.

Городовъ, какъ указывалось выше, было очень много, наши лѣтописи насчитываютъ ихъ въ до-Монгольскій періодъ болѣе 300, но и это число вѣроятно значительно менѣе дѣйствительнаго.

Города эти были въ сущности не болѣе какъ селенія или городки, окопанные ровомъ и валомъ съ тыномъ или частоколомъ, а иногда имѣли и болѣе сильныя укрѣпленія. Мѣста для городовъ выбирались соответствующія условіямъ удобства обороны; большею частью они располагались на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ или озеръ. Ихъ старались

также располагать такъ, чтобы они примыкали одною стороною къ лѣсамъ или болотамъ, которыя не только обезпечивали отъ нападенія съ этой стороны, но и служили укрытіемъ для населенія и путемъ его спасенія, въ случаѣ взятія города непріателемъ.

Обязанность рубить города (городоставленіе), считалась настолько важною, что призывъ къ ней избавлялъ призываемыхъ даже отъ обязанности являться на судъ.

Въ зависимости отъ степени важности каждаго пункта, срубаемые на нихъ городки имѣли или временное, или постоянное значеніе, а также бѣольшую или меньшую важность. Соотвѣтственно этому они и носили различныя названія, какъ-то: острѣки, остроги, городки, на сѣверѣ пригороды и, наконецъ, города.

Съ объединеніемъ власти въ рукахъ одного княжескаго рода и уменьшеніемъ опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ число городовъ должно было, разумѣется, увеличиваться болѣе медленно, сельское же населеніе все болѣе и болѣе размножалось.

Нѣкоторые городки срубались исключительно въ виду военныхъ требованій, обыкновенно по приказанію князей. Поставленныя въ нихъ части княжескихъ дружинъ должны были удерживать въ

повиновеніи жителей, собирать дани и, наконецъ, защищать границы или вообще предѣлы страны, подвергавшіеся нападеніямъ враговъ.

На югѣ, паримѣрь, Владиміръ I построилъ и укрѣпилъ города по рѣкамъ: Деснѣ, Сулѣ, Остру, Стугнѣ и Трубежу—для защиты отъ набѣговъ печенѣговъ. На сѣверѣ противъ вѣмцевъ были воздвигнуты псковичами: Изборскъ, Гдовъ и Кобылій; противъ литвы—Опочка, Велье, Вороночь, Красный и Вышгородъ. Въ области Великаго Новгорода, за недостаточностью пограничныхъ пригородовъ, ихъ построили еще и по наиболѣе вѣроятнымъ путямъ наступленія главнѣйшихъ враждебныхъ Новгороду сосѣдей. По шведскому пути были построены и укрѣплены: Тиверскій, Копорье, Орѣшекъ, Ладога по вѣмецкому—Луга и Яма; по литовскому—Вышгородъ, Высокое и Порховъ.

Города обыкновенно состояли изъ двухъ главныхъ частей: внутренней—*днѣшинаго града* и вѣшной—*окольнаго, кромнаго града*. Внутренняя часть города, или цитадель носила названіе *днѣтинца*, а впоследствии—*кремля*. Дѣтинець рѣдко, впрочемъ, находился дѣйствительно внутри города, обыкновенно онъ занималъ высшій, командующій и трудно доступный пунктъ и одна или даже двѣ его стороны бывали наружными. Внутри дѣтинца помѣщались: соборный

храмъ, княжескій дворъ или его посадника, а также дружина, составлявшая гарнизонъ города.

Внѣшній городъ, обыкновенно называемый *острогомъ*, примыкалъ къ дѣтинцу и также окружался валомъ со стѣнами и башнями, а съ наружной стороны еще и рвомъ, иногда водянымъ и называвшимся *урблею*.

Стѣны и башни были деревянные и стѣны или *заборолы* состояли большею частью изъ двойнаго ряда срубовъ, засыпаемыхъ землею и камнями. Башни—*вежи* или *стрѣльницы* были четырехугольныя, съ бойницами, черезъ которыя стрѣляли изъ самострѣловъ и луковъ. Иногда стѣны и башни обкладывались дерномъ для предохраненія ихъ отъ огня.

Въ позднѣйшія времена окольный, внѣшній городъ или острогъ сталъ преимущественно называться *посадомъ* и въ немъ сосредочивалась торговая часть населенія города.

Въ большихъ городахъ, помимо перечисленныхъ уже частей, съ увеличеніемъ населенія образовывались вокругъ новыя поселенія, вынесенныя за валъ окольнаго града и носившія названія: *предгородія*, *застѣнья* или *слободы*. Эти предгородія также опоясывались валомъ. Кромѣ того около нѣкоторыхъ городовъ, преимущественно въ южной Россіи, на-

сыпались еще валы въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ города. Пространство между этими валами и предгордіями называлось *болонье* и служило для укрыванія, въ случаѣ опасности, сельскихъ жителей окрестной страны съ ихъ семьями, стадами и хлѣбными запасами.

Большинство городовъ и было укрѣплено согласно приведеннаго описанія, причемъ нѣкоторые имѣли слѣдовательно укрѣпленія въ четыре линіи. Бѣольшая или меньшая сила укрѣпленій города зависѣла, разумѣется, отъ степени опасности его положенія. Псковъ, напримѣръ, находясь среди небольшой, открытой области и имѣя по близости сильныхъ враговъ, имѣлъ четыре стѣны. Новгородъ же, лежащій среди болотъ, лѣсовъ, озеръ и рѣкъ, въ лѣтнее время дѣлавшихъ его почти недоступнымъ имѣлъ до XIV столѣтія всего одну стѣну — его дѣтина. Эта стѣна была также деревянная и замѣнена каменною, вѣроятно, еще Ярославомъ I, въ 1044 году, въ 1116 году она была значительно расширена Мстиславомъ, и въ этомъ же году городъ Ладога былъ тоже обнесенъ каменною стѣною. Впослѣдствіи, т. е. въ XIV уже вѣкѣ, и другіе важнѣйшіе города стали замѣнять свои деревянные стѣны каменными.

Для овладѣнія городами служили слѣдующія сред-

ства: осада, приступъ—называвшійся *взять копьемъ* или *на копье*, обложеніе и блокада—*остой, стояніе, обложеніе*, внезапная атака—*изъѣздомъ* и, наконецъ, различныя хитрости. Изъ приводимыхъ лѣтописями болѣе ста случаевъ нападенія на города, за рассматриваемое время, о взятіи города приступомъ (копьемъ) говорится всего два раза; чаще всего, до сорока разъ, упоминается о заплѣти городовъ безъ сопротивленія и изъ нихъ три раза внезапнымъ нападеніемъ (*изъѣздомъ*); двадцать пять разъ осады были неудачны; семь разъ города сдались послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады; пять разъ осады закончились заключеніемъ мира и, наконецъ, двадцать девять разъ говорится о взятіи города *на щитъ*.

Выраженіе *взять городъ на щитъ* означало способъ овладѣнія городомъ, а преданіе его уже по овладѣніи на сожженіе, разграбленіе, плѣнъ и истребленіе жителей.

Принимая во вниманіе, что въ перечисленныхъ выше случаяхъ занятія городовъ безъ осады или послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады, всего 47 разъ, лѣтописи не упоминаютъ о взятіи городовъ на щитъ, можно съ большою вѣроятностью предположить, что послѣднее, т.-е. разграбленіе города, имѣло мѣсто только въ случаяхъ упорной обо-

роны. Упорство обороны очевидно вызывало со стороны атакующаго примѣненіе къ дѣлу всѣхъ современныхъ той эпохѣ средствъ атаки до ея послѣдняго момента включительно, т.-е. съ приступомъ, за которымъ тогда, также какъ и во всѣхъ послѣдующія историческія эпохи, слѣдовали грабежи, убійства и пожары.

На основаніи изложеннаго врядъ ли будетъ ошибкою считать, что въ большинствѣ случаевъ взятіи городовъ на щитъ имѣлъ мѣсто и приступъ, подготовленный соотвѣтствующими осадными работами.

Осада состояла въ выполненіи цѣлаго ряда нерѣдко громаднхъ работъ, преимущественно земляныхъ, имѣющихъ цѣлью облегчить приближеніе осаждающаго къ стѣнамъ и овладѣніе послѣдними. Прежде всего кругомъ осажденнаго города возводился обыкновенно валъ (теперешняя циркумвалаціонная линія), за которымъ располагались войска осаждающаго, устраивая иногда еще и *острогъ* или укрѣпленный лагерь. Отсюда уже старались, пользуясь всякаго рода мѣстными и искусственными закрытіями, подойти къ городскому рву, срубали на немъ тынъ и ровъ засыпали.

Для овладѣнія стѣнами и башнями къ нимъ присыпали землю, что называлось *приспомъ* или *спомъ*, или же устраивали *приметъ*, т.-е. складывали у

стѣнъ массы бревенъ, вообще лѣса и соломы. Присыпанная къ стѣнамъ земля, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приметь служили какъ бы примостомъ, чтобы взойти на стѣны, въ другихъ же случаяхъ при помощи примета старались зажечь городъ.

Осадныя работы прикрывались сильною стрѣльбой изъ луковъ и *проковъ* или *пѣроковъ*. Стрѣльбою изъ луковъ старались препятствовать осажденному поражать войска атакующаго, а пѣроками, т.-е. каменометными машинами, дѣйствовали: маленькими—по войскамъ же и крупными—противъ стѣнъ и башенъ. Впрочемъ, въ русскихъ лѣтописяхъ очень рѣдко встрѣчаются за рассматриваемый періодъ прямыя указанія на дѣйствія при осадѣ пѣроками или вообще машинами. Упоминаются они въ описаніи сраженія новгородцевъ съ Добрыней при Владимірѣ I и при осадѣ Пскова въ 1065 году Всеславомъ Полоцкимъ, который, по словамъ лѣтописи, „много трудился и пѣроками шибавъ“. Объ употребленіи русскими каменометныхъ машинъ говорятъ также и византійскіе историки.

При оборонѣ городовъ осажденные старались, помимо стрѣльбы изъ луковъ, препятствовать работамъ атакующаго нападеніями на его рабочихъ, разрушеніемъ уже выполненныхъ осадныхъ работъ и наконецъ частыми вылазками старались заставить

противника снять осаду и отступить. Примѣромъ чрезвычайно дѣятельной, активной обороны осажденнаго города можетъ служить приведенная выше оборона Доростола Святославомъ.

Вообще искусство укрѣплять города было высоко развито у руссовъ, а оборона ихъ отличалась упорствомъ. Этимъ, повидимому, объясняется преобладающее въ до-Монгольскомъ періодѣ случаевъ овладѣнія городами—не осадами, а обложеніемъ. Взять городъ съ боя хотя и не требовало особенно много времени, но стоило атакующему не дешево, а потому и стали отдавать предпочтеніе пассивной осадѣ, т.-е. блокадѣ, обложенію. Окруживъ городъ, выжегши и разоривъ его окрестности, старались голодомъ вынудить осажденныхъ явиться съ челобитьемъ. При этихъ условіяхъ осаждающему приходилось зачастую очень долго блокировать города, Ольга, напримѣръ, стояла подъ Коростенемъ цѣлый годъ.

Сдаваясь, осажденные старались прежде всего выговорить условіе, чтобы побѣдитель не бралъ городъ на щить, для чего нерѣдко уплачивался весьма значительный окупъ.

Изъ приведеннаго выше очерка какъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ военныхъ событій, такъ и состоянія военнаго искусства на Руси съ 862 по 1224 годъ,

можно придти къ тому заключенію, что первая половина этихъ почти 400 лѣтъ представляетъ время значительнаго и притомъ чрезвычайно быстро развитія военнаго могущества Руси. Развитие это не могло не отразиться на ея роли и значеніи въ ряду сосѣдей, между которыхъ она занимаетъ видное мѣсто и въ дѣлахъ которыхъ принимаетъ дѣятельное участіе. Результатомъ военной дѣятельности нашего отечества до смерти Ярослава было не только объединеніе многихъ прежде разрозненныхъ восточнославянскихъ племенъ, но и подчиненіе и присоединеніе многихъ иноплеменныхъ народовъ и ихъ земель.

Войны этого періода носятъ преимущественно характеръ наступательный, обнаруживающій во многихъ случаяхъ чрезвычайную смѣлость замысла и удачу, а иногда и значительное искусство въ исполненіи.

Означенное мнѣніе находитъ полнѣйшее подтвержденіе въ тѣхъ въ высшей степени смѣлыхъ предпріятіяхъ Руси на Царьградъ, въ Малую Азію, въ Каспійское море и на Кавказъ, которыя приведены выше. Походъ, напримѣръ, Святослава 1-го въ 968 году противъ болгаръ, т.-е. его движеніе изъ Кіева на Волгу—къ устью Камы, оттуда внизъ по Волгѣ въ Каспійское море, а затѣмъ обратно черезъ весь

Кавказъ, по своимъ размѣрамъ, встрѣчавшимся трудностямъ и достигнутымъ результатамъ, можетъ быть смѣло приравненъ къ любому походу любого же изъ выдающихся и нами излюбленныхъ иноземныхъ полководцевъ. Разгромъ двухъ царствъ—и притомъ сильныхъ—Болгарскаго и Хазарскаго, взятіе и разрушеніе ряда значительныхъ городовъ, какъ Великій Болгаръ, Козеронъ, Итиль и Семендеръ, завоеваніе Тмутаракани и борьба съ кавказскими народами—все это требовало для своего выполненія значительнаго напряженія силъ со стороны Святославовой Руси, а отъ полководца — большаго военнаго таланта. Святославъ, очевидно, имъ и обладалъ и притомъ, вѣроятно, не въ меньшей степени, чѣмъ какой нибудь современный ему Оттонъ Великій или даже Карлъ Великій.

Русь этого времени, т.-е. главнымъ образомъ въ княженіе Владиміра 1-го и Ярослава 1-го, гремѣла военною славой на всемъ громадномъ пространствѣ къ востоку отъ Эльбы. Руссовъ знали, ихъ боялись и о ихъ подвигахъ говорили и писали, какъ это указано въ очеркѣ, и греки, и арабы, и армяне, и западные сосѣди, и отзывы всѣхъ ихъ отличаются замѣчательнымъ согласіемъ.

Во вторую половину разсматриваемаго періода, т.-е. по смерти Ярослава 1-го, политическія условія

и особенности положенія внутреннихъ дѣлъ при-
остаиваютъ столь блестяще начатый ростъ Руси;
ея военное могущество и военное значеніе уже не
имѣютъ прежняго блеска и силы. Раздробленная,
обезсиленная безконечными междуусобіями, она, при
всемъ громадномъ развитіи военной дѣятельности
въ ея отдѣльныхъ частяхъ, теряетъ единство и не
въ состояніи удержать свои владѣнія отъ захватовъ
сосѣдей.

Военное дѣло и искусство за это послѣднее время
не представляютъ почти никакого отличія отъ пер-
вой половины. Войны, въ большинствѣ случаевъ,
сохраняютъ тотъ же наступательный характеръ, но
не замѣчается прежней смѣлости замысловъ, цѣли
становятся все мельче и мельче. Несмотря, однако,
на всю невыгодность положенія дѣлъ, и въ этомъ
періодѣ нашей военной исторіи можно отмѣтить
весьма нерѣдкіе случаи проявленія въ высокой
степени военной доблести и войсками, и ихъ пред-
водителями, примѣромъ чего служитъ Владиміръ
Мономахъ.

Организація нашихъ вооруженныхъ силъ въ те-
ченіе всѣхъ этихъ 400 лѣтъ носитъ преимущественно
дружинный характеръ и не имѣетъ никакой
связи съ поземельною или какою-либо другою соб-
ственностью. Княжескія и другія дружины состав-

ляли главную часть войскъ, и притомъ лучшую, такъ какъ состояли изъ свободныхъ людей, добровольно посвятившихъ себя военному дѣлу. Составлявшееся иногда изъ городскихъ и еще рѣже сельскихъ жителей земское войско также несло военную повинность въѣ зависимости отъ имущественнаго положенія и только впоследствии владѣніе землею становится нормою для опредѣленія порядка отправления этой повинности.

О свойствахъ и достоинствахъ древне-русскихъ войскъ даютъ совершенно ясное понятіе приведенныя выще свидѣтельства иностранныхъ писателей, единодушно признающихъ высокія боевыя качества руссовъ.

Способы дѣйствій руссовъ, разумѣется, не избѣжавшіе нѣкотораго вліянія пришлыхъ варяговъ и другихъ иноплеменныхъ народовъ, должны быть признаны все же-таки самобытно-выработавшимися русскими способами. Мнѣніе, что это были способы варяжскіе, на томъ будто бы основаніи, что руссы совершали свои походы въладьяхъ и дрались пѣшкомъ, не выдерживаетъ критики,—славяне, какъ указано здѣсь, гораздо ранѣе знакомства своего съ варягами, дрались пѣшкомъ и совершали походы на ладьяхъ.

Подводя же итоги всему приведенному относи-

тельно вооруженныхъ силъ до-монгольской Руси, ихъ примѣненія къ дѣлу и службы, посвященной преуспѣванію нашего отечества, можно сказать, что наиболѣе для нихъ блестящимъ временемъ во всемъ этомъ почти 400-лѣтнемъ періодѣ были княженія Владиміра 1-го, его сына Ярослава 1-го и внука послѣдняго—Владиміра Мономаха.

В. К.

УКАЗАТЕЛЬ

сочиненій, служившихъ источниками при составленіи очерка.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ — *Сергѣя Соловьева*.

Исторія Государства Россійскаго — *Карамзина*.

Русская исторія — *Бестужева-Рюмина*.

Русская военная исторія — князя *Голицына*.

Русскій историческій сборникъ, издаваемый обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ — подъ редакціею *Погодина*.

Описаніе войны вел. князя Святослава Игоревича — *А. Черткова*.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи — *М. Погодина*.

Исторія русской жизни — *Забѣлина*.

Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ — *Никитскаго*.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей — *Костомарова*.

Повѣствованіе о Россіи — *Арымбашева*.

Полное собраніе сочиненій — *Гильфердиня*.

Общество и государство въ до-Монгольскій періодъ русской исторіи — *Хлѣбникова*.

Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ — *Васильевскаго*.

Историческое описаніе одѣжды и вооруженія русскихъ войскъ—*Висковатова*.

Исторія Россія—*Иловайскаго*.

Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ — *Бестужева Рюмина*.

Каспій, или о походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ — академика *Дорна*.

Русско-византійскіе отрывки—*Васильевскаго*.

Извлеченіе изъ лѣтописи Ихъя Антиохійскаго. Докторская диссертация барона *Розена*.

Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ—*Гильфердинга*.

Историческія монографіи—*Костомарова*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

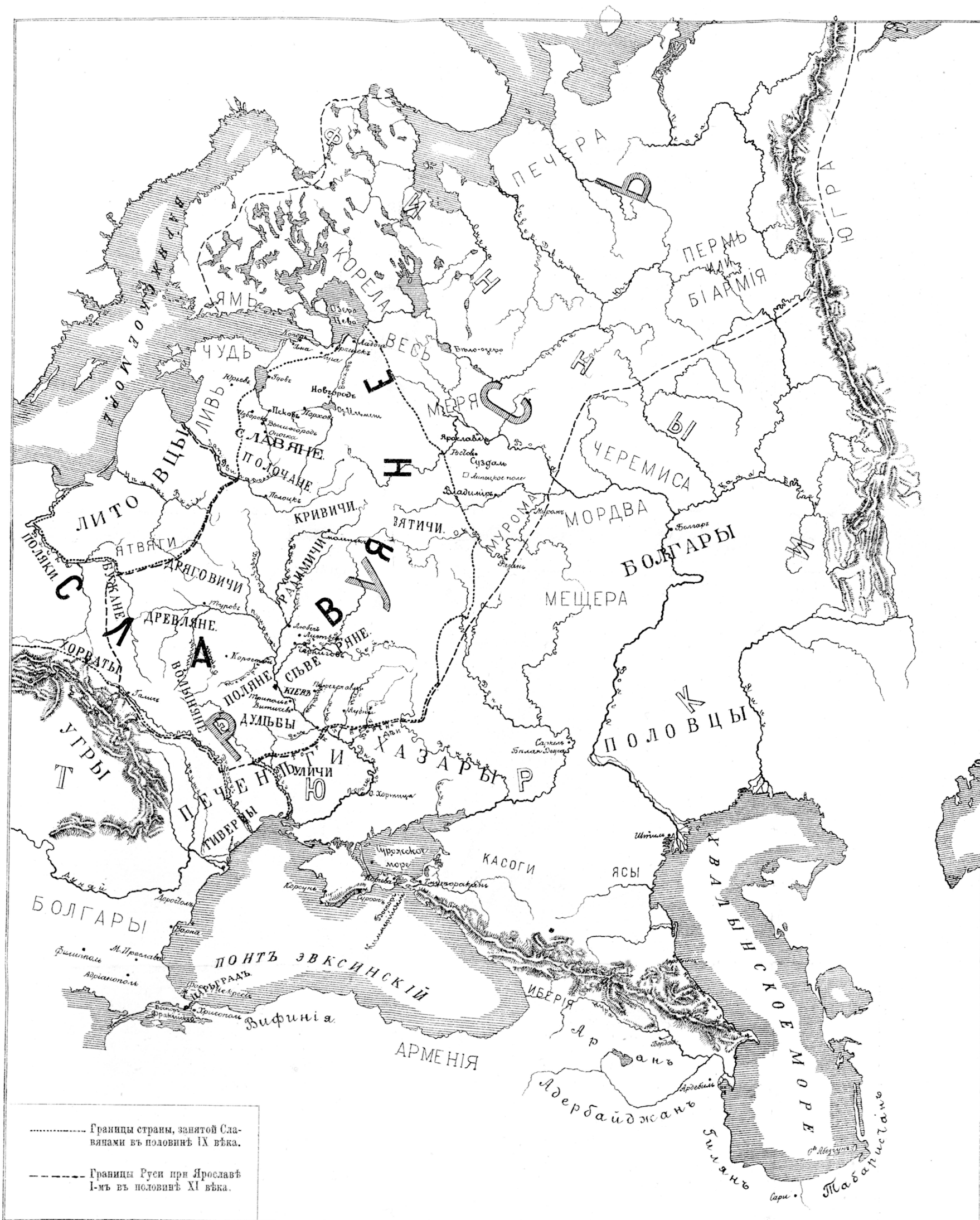

	<i>Стран.</i>
Глава I.	
Славяне и другіе древнѣйшіе народы, жившіе въ предѣлахъ нынѣшней Россіи	3
Глава II.	
Русь.—Призваніе варяговъ.—Рюрикъ.—Походъ Аскольда и Дира въ Византію.—Княженіе Олега и его войны.	24
Глава III.	
Военное дѣло на Руси съ половины IX столѣтія до нашествія монголовъ—въ первой четверти XIII вѣка.	85

Карта № 1.

..... Границы страны, занятой Славянами въ половинѣ IX вѣка.
 - - - - - Границы Руси при Ярославѣ I-мъ въ половинѣ XI вѣка.

